

Элли Ван Хаутен

СУПЕР ВОРОВКИ

Сбежавшая Невеста

Элли Хаутен

Суперворовки: Сбежавшая Невеста

<https://litres.ru/74577187>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третья часть серии «Суперворовки».

Пэм и Дженни арендуют автодом и отправляются вдоль побережья. В планах — море, свобода и двенадцать дней без неприятностей. Но на первой ночёвке к ним стучится женщина в свадебном платье. Дженни готова спасти невесту. Пэм предпочла бы спасти залог.

Утром гостя исчезает вместе с их одеждой, оставив платье, дорогие подарки и кольцо. А следом приезжает жених: по его версии, подружки похитили невесту и ограбили гостей.

Чтобы вернуть свои вещи и доброе имя, Пэм и Дженни едут по маршруту несостоявшегося медового месяца. Только в курортных лавках обнаруживаются совсем не те подарки, а люди, обещающие помочь, слишком часто предлагают что-нибудь подписать.

Ироничная комедия о женской дружбе, чужих секретах и отпуске, в котором даже обычная парковка превращается в приключение. Море подождёт. А вот неприятности уже заняли лучшее место в автодоме.

Элли Ван Хаутен

Суперворовки:

Сбежавшая Невеста

Суперворовки: Сбежавшая Невеста

Элли Ван Хаутен

Глава первая

Дом с ручным тормозом

Когда Дженни сказала, что в этот раз мы возьмём с собой собственный туалет, я поняла: отпуск всё-таки состоится.

— Ты уже настолько не доверяешь гостиницам?

— Пэм, я говорю про автодом.

— Я тоже. Просто начала с самого важного.

Она положила на стол рекламный листок. Белая машина стояла у моря, из боковой стенки выдвигался навес, а под ним сидела женщина, у которой ничто не впивалось в задницу. Я внимательно посмотрела на складное кресло. Такое благополучие могло объясняться только удачным ракурсом.

Рядом с женщиной мужчина разливал кофе. На столе лежало два круассана. Ни крошки на сиденьях, ни пакета с мусором, ни человека, который пытался найти свою вторую туфлю в автомобиле площадью с небольшую ванную.

— Они действительно в нём живут? — спросила я.

— Во время путешествия.

— А где всё их бельё?

— В шкафах.

— И где шкафы?

Дженни перевернула листок.

Оказалось, шкафы были повсюду. Над головой, под кроватью, возле двери. Впервые мне предложили дом, который мог закрыть на меня дверь с любой стороны.

Мы завтракали на своей кухне. Полгода назад вернулись с острова, привезя загар, счета и неприязнь к чужим драгоценностям. Загар исчез, счета мы оплатили. Неприязнь сохранилась.

На подоконнике стояла моя синяя чашка. Из-за неровной ручки она выглядела так, будто просила не трогать её до полудня. Я пользовалась ею каждый день. Чашка выдержала несколько визитов моих родителей, Джошуа и одно падение чайной ложки, которое я приняла за конец света. Подруга больше не спрашивала, не жалко ли пить из собственной работы. Мы обе научились оставлять некоторые вопросы в покое.

Чайник Дженни тоже был здесь. Маленький, круглый, с пятнышком на носике, которое я обещала отмыть после завтрака уже третий день.

— И сколько стоит этот движущийся санитарный узел?

Дженни показала цифру.

Я придвинула листок обратно.

— За весь срок?

— За двенадцать суток. Плюс топливо и стоянки. Мы не будем каждый вечер снимать номер.

— Но будем сами убирать.

— Ты и сейчас сама убираешь.

— Сейчас я хотя бы не везу грязь в следующий город.

Она улыбнулась и открыла на телефоне карту побережья. Тонкая дорога изгибалась вдоль синего края. На ней было несколько отметок: бухта, маленький порт, город с рынком, ещё одна бухта. Вдалеке от дома карта всегда выглядела обещанием. Возле нашего квартала она обычно сообщала, где перекрыли проезд.

— Можно двигаться в своём темпе, — сказала Дженни. — Останавливаться, если понравится место. Готовить завтрак с видом на море.

— А если не понравится?

— Уехать.

Это было убедительно.

В прежнем отпуске я неоднократно хотела уехать, но между мной и аэропортом постоянно возникал человек с вопросами. Здесь аэропорта не требовалось. Здесь можно было сесть за руль и увезти вместе с собой кровать.

Я посмотрела на фотографию ещё раз.

— Ты уже выбрала?

— Пока только модель.

— И дату?

— Через две недели. Если получится с работой.

— С твоей или с моей?

— С обеими. Я ещё ничего не оплатила.

Она сказала это с лёгким раздражением. После открытия магазина Дженни очень не любила, когда я принимала её желание за подписанный договор. Теперь она сначала считала деньги, потом обсуждала, а уже затем нажимала кнопку. Раньше между первым и третьим иногда помещалась красивая фотография.

— Я не против, — сказала я.

Дженни подняла глаза.

— Правда?

— Мне хочется поехать. Только я не знаю, умею ли отдыхать в машине.

— Никто не рождается с этим умением.

— Некоторые рождаются с хорошей координацией. Это осязаемое преимущество.

Она коснулась моей руки. Я перестала крутить ложку.

— Возьмём небольшой. Нам покажут, как всё работает. И обе будем водить.

— Сначала узнаем про подмену, — сказала я. — Потом про туалет.

— В таком порядке?

— Если что-нибудь пойдёт не так с первым, второго не будет.

Вечером я зашла к ней в магазин. На двери ещё висела

табличка «Открыто», хотя подруга уже протирала прилавок. Витрина была спокойная, с непрозрачными упаковками, подарочными пакетами и небольшим светильником. На стекле красовалось название «Стоун». Ни один человек теперь не мог сказать, что Дженни открыла дело на пробу и ждёт, когда родители заберут её обратно.

Зато люди по-прежнему заходили спросить, где поблизости ремонтируют телефоны.

Я успела услышать один такой разговор.

— Через два дома, — ответила Дженни мужчине с чёрным аппаратом.

— А у вас батарейки есть?

— Есть. Но в телефон эти не подойдут.

Мужчина окинул взглядом полки.

— Понимаю.

По его лицу было видно, что не понимает, но собирается уйти прежде, чем станет поздно.

За прилавком сидела ещё одна женщина. Она спокойно подписывала ценники. У неё были короткие светлые волосы, веснушки и маленькие золотые серьги, совершенно не мешавшие работе. Я всегда завидовала женщинам, которые могли носить серьги без взаимодействия с дверными ручками.

— Это Мара, — сказала Дженни. — Мара Лейн. Пэм Честерфилд, моя подруга.

Мы поздоровались.

Мара не стала смотреть на меня так, словно ей только что показали опасную часть оборудования. Я оценила это.

— Вы будете меня заменять? — спросила Дженни.

— Если договоримся о днях. Я пока знакомлюсь с вашим учётом.

— Она работала в магазине косметики, — объяснила подруга. — И иногда подменяет знакомую в книжном.

— Здесь меньше споров про аромат, — сказала Мара.

— Подожди, пока придёт человек, которому всё нужно понюхать, — заметила я.

Дженни показала мне глазами, что я не участвую в собеседовании.

Я отошла к полке с подарочными пакетами. Один стоял неровно, я поправила его. Вместе с ним упали ещё два. Мара подняла первый, я второй, Дженни третий. Так наша общая работа сразу получила понятный характер.

— Не трогай выкладку, — сказала подруга.

— Я уже закончила.

Мара прикрыла рот рукой. Возможно, улыбалась. Возможно, подсчитывала будущую нагрузку.

После закрытия Дженни показала Маре график, папку с правилами возврата и кассу. Договорились об оплате. Мара могла выйти в нужные дни, но заказывать вместо подруги ничего не собиралась. Дженни сказала, что поставки оформит до отъезда. Я сидела возле кладовой и старалась не задеть коробку коленом. Раньше подруга боялась выбирать по-

мещение. Теперь объясняла другому человеку, где держит запасные ценники.

Мара ушла первой. Дженни закрыла за ней дверь, проверила кассу и наконец села напротив меня.

— Ну? — спросила она.

— Мне нравится.

— Почему?

— Она ещё ни разу не сказала, что всё будет замечательно.

— Пэм.

— Это хорошая рекомендация. Я серьёзно.

Подруга помолчала.

— Я впервые оставляю магазин так надолго.

Я уже собралась сказать, что двенадцать дней пройдут быстро, но посмотрела на её руки. Она всё ещё держала ключ от кассового ящика. Крутила его между пальцами, хотя ящик был закрыт.

— Мы можем выбрать другой срок, — сказала я.

— Я хочу этот.

— Тогда оставишь. И будешь звонить.

— Не каждые полчаса.

— Ты можешь звонить мне каждые полчаса. Я буду рядом и не возьму трубку.

Она рассмеялась. Поставила ключ на стол.

Через два дня выяснилось, что отпуск возможен и у меня. Луиза нашла подмену на основные смены. Я согласилась помочь до отъезда с двумя большими заказами и не делать вид,

будто это работа, которая сама себя отрабатывает. Мэгги попросила разобрать садовый шкаф заранее. Я сказала, что это будет полезной тренировкой перед домом, в котором шкафов больше, чем стен.

— Только мои шкафы остаются на месте, — заметила она.

— Поэтому мне и удобно начинать с ваших.

Мэгги посмотрела на тряпку, торчавшую у меня из кармана.

— Эту оставь.

Я оставила.

Джошуа узнал о поездке в тот вечер, когда мы вместе покупали продукты для ужина. Он стоял возле ящиков с перцами, а я пыталась понять, почему один из них стоит вдвое дороже другого. Оказалось, один продавался за штуку, другой за вес. Торговля опять использовала против меня математику.

— На машине? — спросил он.

— На доме.

— Самом небольшом?

— Достаточно небольшим, чтобы в случае беды его не пришлось спасать по комнатам.

Он попросил показать модель. Я открыла фотографию.

Джошуа увеличил изображение, посмотрел на размеры и спросил, давно ли я водила что-нибудь длиннее обычной машины.

— На прошлой неделе везла длинную швабру.

— Снаружи?

— Внутри. Она мешала переключаться.

— Тогда лучше поездить на площадке, когда получите.

Он сказал это без желания немедленно сесть за руль вместо меня. Я очень любила в нём эту привычку: он мог считать, что мне нужна практика, и при этом не считать, что мне нужен владелец.

— Нам дадут инструктаж, — сказала я. — Мы возьмём автоматическую.

— Отлично.

— Ты не хочешь поехать?

Вопрос выскочил сам. Мы обсуждали поездку вдвоём с Дженни, места для третьего пассажира не было в нашем плане. Но я иногда продолжала путать спокойное согласие мужчины с разочарованием, которое он пока скрывал.

Джошуа положил в корзину два перца.

— Я не могу в эти дни. У меня заказ, я уже обещал.

— Хорошо.

— А в другой раз можем придумать что-нибудь вместе.

— Я смогу ограничиться домом без колёс.

— Посмотрим.

Он наклонился и поцеловал меня. В этот момент я повернула корзину и задела его бедро. Не сильно. Настолько, чтобы романтическая часть разговора закончилась проверкой, цел ли перец.

За ужином Джошуа спросил, волнуюсь ли я. Я рассказала,

что в прошлый раз мы тоже собирались просто отдохнуть. Он не обещал, что больше ничего не случится. Только попросил звонить. Даже если я застряну в собственном душе.

За день до отъезда наша квартира напоминала магазин, который решил заняться одновременно одеждой, продуктами и садовой мебелью. На диване лежали сумки. Возле двери — два складных стула. Дженни разложила на столе документы, я пыталась поместить в пакет полотенце, не выбив локтем бутылку масла.

— Нам не нужно столько, — сказала она.

— Я ещё не положила ничего лишнего.

— Ты положила три кофты.

— Одна на мне испортится. Вторая будет сохнуть. Третья для общества.

— Две.

Я уступила. Третью кофту оставила на стуле. Она соскользнула на пол, я подняла её и повесила в шкаф. Если бы одежда умела предупреждать о будущем, в тот момент она должна была бы схватить меня за руку.

Мы договорились разделить вещи. В большой мягкой сумке ехало чистое бельё и обычная одежда, каждый комплект в своей тканевой упаковке. Небольшие личные сумки предназначались для документов, денег, телефонов и лекарств, которые кому-нибудь могли понадобиться. Дженни хотела обойтись без чемоданов. Я согласилась, поскольку чемодан внутри автомобиля казался мне ещё одним автомоби-

лем, которому пришлось бы искать стоянку.

— Только не смешивай чистое и грязное, — попросила она.

— Если я не смогу определить, что где, значит, оно недостаточно грязное.

Она молча положила рядом пустой мешок для стирки.

Я добавила купальник, две футболки, лёгкие брюки, платье для ужина и лишние носки. В носках себе не отказала. После некоторых жизненных событий начинаешь ценить предметы, которые можно заменить без объяснений.

Дженни пересчитала своё, вытащила одну блузку, вернула другую.

— Ты берёшь красивые туфли? — спросила я.

— Одну пару.

— Для дороги?

— Для места, куда мы приедем.

— Надеюсь, там будет ровный пол.

Она посмотрела на мои сандалии.

— Ты тоже их возьми.

— Они меня знают. Им лучше остаться дома.

Но я взяла.

Родители заехали вечером. Мама привезла еду в контейнерах, папа — небольшой фонарь. Они посмотрели на сумки, спросили про холодильник и попросили присылать фотографии, на которых видны не только мосты, но и наши лица. Я обещала. Папа проверил, хорошо ли держит застёжка

моего brasлета. Держала. Мы попили чай, мама напонила съесть овощи в первый день.

После их ухода я поставила контейнеры в холодильник. На верхней полке шкафа осталась большая старая сумка. Из-за дверцы виднелся уголок ткани. Я задвинула его внутрь и закрыла. Некоторые участники прежних путешествий заслужили бессрочный отпуск дома.

Дженни сидела на краю дивана и проверяла последнее письмо из проката.

— Завтра в половине девятого.

— Я поставила будильник.

— И я.

— Значит, проснёмся минимум два раза.

Она отложила телефон.

— Знаешь, чего мне хочется?

— Чтобы Мара не позвонила, пока ты будешь выезжать с площадки?

— Тоже. Но вообще — ехать и никуда не опаздывать.

Я села рядом.

На улице потемнело. Наши сумки стояли у двери. Завтра никто не ждал от нас большой работы, ловкости или убедительного рассказа. Нужно было взять ключи и поехать вдоль моря.

— Если захотим задержаться на день, задержимся, — сказала я.

— Не на первой же стоянке.

— А вдруг там хорошие туалеты?

Дженни ткнула меня подушкой. Я перехватила её, подушка задела пакет с хлебом. Мы поймали хлеб вдвоём и некоторое время сидели, прижимая его каждая со своей стороны.

Так выглядела наша первая совместная проверка готовности к дороге.

Утром первый будильник разбудил Дженни, второй — меня, а третий, который я забыла удалить после ранней смены, разбудил нас обеих уже в такси. Водитель посмотрел в зеркало.

— Вам ещё куда-то надо?

— Только проснуться окончательно, — сказала я.

Подруга выключила звук на моём телефоне. Машина повернула к площадке проката. За сетчатым забором стояли автодома разного размера. Несколько выглядели так, будто могли увезти целую семью вместе с неприятным дядей и всё равно оставить место для холодильника.

Наш оказался компактнее. Белый, с серыми полосами по бокам, узкими окнами и дверцей, возле которой уже ждал мужчина в рабочей куртке. На бейдже было написано: «Оуэн Прайс».

— Доброе утро. Стоун и Честерфилд?

— Пока обе, — сказала я.

Дженни вытащила документы.

Оуэн не удивился моей реплике. Вероятно, каждый день встречал людей, которые собирались отдохнуть и поэтому

считали себя смешными. Он предложил сначала оформить договор, потом осмотреть машину.

Контора называлась «Береговая дорога». Внутри пахло кофе и чистящим средством. На стене висела фотография ещё одного семейства, которому удалось жить в автодоме без открытого пакета с трусами. Я начала подозревать, что их нанимают специально.

Оуэн проверил наши водительские удостоверения. В договор вписали обеих. Дженни уточнила страховку, залог и время возврата. Я читала раздел про повреждения, чувствуя, как с каждой строчкой во мне просыпается очень деловая женщина. Эта женщина хотела взять автобусный билет.

— Здесь отмечаются все имеющиеся следы, — объяснил Оуэн. — Мы вместе обойдём машину, вы можете снять видео. Если по дороге что-то случится, звоните по этому номеру.

Он положил рядом карточку.

— Даже небольшая неисправность. Не пытайтесь разбирать самостоятельно.

Я показала карточку Дженни.

— Видишь? Меня официально просят не улучшать дом.

— Я тоже прошу, — сказала она.

Залог заблокировали на её карте. Мою часть общих расходов я перевела заранее; мы договорились, кто оплачивает топливо, кто стоянки, и записали это так, чтобы к концу поездки не выяснилось, будто бутерброд стоит как полный бак.

На улице Оуэн открыл боковую дверь.

Я поставила ногу на ступеньку и вошла.

Внутри было гораздо светлее, чем на фотографии. За водительскими креслами находились стол и два сиденья, дальше маленькая кухня, закрытая дверь душевой и кровать в задней части. Из окна над ней было видно соседнюю машину. Я сразу поняла, что в кемпинге придётся выбирать вид не только на море, но и на чужие окна.

— Почти шесть метров, — сказал Оуэн. — Пять девяносто по кузову. Высота указана здесь.

Он показал наклейку возле места водителя.

— На низкие въезды обращайтесь внимание. И помните про заднюю часть на поворотах.

Я посмотрела через лобовое стекло. Всё, что раньше было небольшим, теперь стало далёким. Капот не видно, задний край ещё дальше. В обычной машине я могла хотя бы вообразить, где заканчивается моя неловкость. Здесь ей предложили дополнительную площадь.

— Вы обе водили автоматическую?

— Да, — сказала Дженни.

Я тоже сказала да. Правду. Мне не хотелось начинать аренду с рассказа про швабру.

Оуэн показал зеркала, камеру заднего вида и регулировки. Потом пересел за стол и объяснил, какие шкафы нужно закрыть перед выездом, что закрепить, где включается холодильник. Дженни фотографировала важные страницы ин-

струкции. Я проверяла, сколько раз могу нагнуться в проходе, не встретившись лицом с открытой дверцей.

Результат был неутешительный: один.

— Эту сразу закрывайте, — посоветовал Оуэн.

Я закрыла.

Он объяснил про воду, электричество, туалет и место для обслуживания. Я слушала внимательно. В рекламном буклете чашки наполнялись сами, бельё всегда было чистое, а люди смотрели в закат. Теперь выяснилось, что закат не отменяет необходимость следить за тем, сколько у тебя осталось воды.

— На первой стоянке вам помогут подключиться, если возникнут вопросы, — сказал он. — Но кабель и переходник проверьте сейчас.

Мы проверили. Кабель лежал в наружном отделении. Дженни показала его мне, я ей, как будто от обмена взглядами он мог стать понятнее.

— А дополнительное спальное место? — спросила она.

— Стол опускается, сиденья раскладываются. Покажу.

Оуэн снял подушки, переставил опору и сложил небольшой диван в кровать. Это заняло у него меньше минуты.

— Повторите.

Мы повторили.

Дженни держала стол, я пыталась совместить одну деталь с другой. Колено упиралось в край сиденья. Я переступила, стол двинулся, подруга сказала:

— Не отпускай.

— Я вообще не трогаю.

— Ты трогаешь бедром.

Оуэн подождал, пока мы выясним, какие части моего тела участвуют в работе без разрешения. Потом показал защёлку ещё раз.

Кровать получилась. Неровно лежала только одна подушка, на которой я сидела.

— На двоих сзади нормально? — спросила Дженни.

— Да. Переднюю можно не раскладывать, если не нужен отдельный диван.

Я оглядела проход между кухней и сиденьями.

— Мы можем разойтись на ночь, если поссоримся из-за шкафа.

— Ты уже выбрала причину? — спросила подруга.

— Пока предлагаю наиболее вероятную.

Оуэн вернул всё в дневное положение. Я заглянула в душевую, вошла туда боком и повернулась. Локоть оказался возле лица.

— Дверь закрывается изнутри?

— Конечно.

— А открывается?

— Тоже.

— Хорошо. Я люблю уточнять обе части.

Дженни не стала пробовать. Ей хватило моего лица.

Оуэн вручил нам папку и ключи. Потом мы обошли ав-

тодом. На правой стороне возле заднего колеса была старая царапина. На дверце кухонного шкафа — небольшой скол. Один край столешницы потемнел. Всё отметили, Дженни сняла, я сфотографировала следы крупнее. И впервые в жизни порадовалась, что чужая вещь уже не идеальна. Мне не нужно было становиться человеком, который испортил её первым.

— Здесь круглая вмятина, — сказала я, указывая на заднюю панель.

Оуэн наклонился.

— Верно. Она тоже есть в акте.

— От чего?

— Велосипедная ручка.

— Спасибо. Хотела оценить конкуренцию.

После осмотра он дал нам поездить по свободной части площадки. Сначала Дженни. Она сидела прямо, обе руки на руле, лицо спокойное до такой степени, что я ей не поверила.

Оуэн показывал, куда двигаться, я молча сидела на пассажирском месте. Дженни сделала круг и осторожно вернулась к линии.

Потом настала моя очередь. Я передвинула кресло, поправила зеркала и обнаружила, что браслет цепляет край рукава. Закатала рукав. Весь отпуск ещё не начался, а мой гардероб уже требовал административных мер.

— Не торопись, — сказала Дженни.

Я тронулась.

Машина двигалась без всякого желания наказать меня за отсутствие опыта. Это было приятно. Я объехала конус, держась от него так далеко, что могла бы предложить ему отдельное проживание. Оуэн жестом показал повернуть ближе.

— Она шире, чем кажется, — сказала я.

— Поэтому смотрим в зеркала, — ответила Дженни.

— Я смотрю. В них тоже широко.

Второй круг получился лучше. На третьем я уже перестала вжимать голову в плечи при каждом повороте. Мы попробовали парковку с подсказками. Оуэн сказал, что стоит делать всё медленно, выходить смотреть, если сомневаемся, и не принимать помощь человека, который машет руками, но сам не знает, где заканчивается машина.

— Я буду выходить, — сказала Дженни.

— А я буду спрашивать, знаешь ли ты.

— Каждый раз?

— Ты же будешь каждый раз советовать мне не торопиться.

Оуэн посмотрел на часы. Мы поблагодарили его и поехали к воротам.

Он открыл проезд. Я остановилась перед ним, спросила, всё ли закрыто внутри. Дженни подтвердила.

— Хорошего путешествия, — сказал он.

Я хотела ответить красиво, но в этот момент вспомнила про высоту и посмотрела вверх. Над воротами ничего не было.

— Спасибо. Мы постараемся вернуть его той же формы.
Оуэн засмеялся. Видимо, такое ему тоже обещали каждый день.

Первые полчаса я ехала так, словно за мной следил весь прокат. Дженни давала указания только заранее и по делу. Один раз попросила перестать стискивать руль. Я сказала, что он светлый и поэтому мои костяшки тоже кажутся белыми. Она не поверила.

За городом дорога стала просторнее. Дома отступили, появились поля, низкие холмы, длинные полосы травы. Я увидела, что могу ехать ровно, не занимая одновременно все возможные полосы. В зеркалах оставался наш белый бок. Сзади кто-то обогнал, я не стала принимать это за личную оценку.

Дженни включила музыку негромко.

— Вот, — сказала она.

— Что?

— Мы едем.

Я улыбнулась.

За последние недели подготовка успела превратить отпуск в список. Оплатить, предупредить, положить, проверить. Теперь список лежал в папке, а перед нами действительно была дорога.

— Магазин открылся? — спросила я.

Дженни посмотрела на телефон, который лежал на держателе отдельно от карты.

— Мара прислала фотографию. Всё нормально.

— Ты уже увеличила?

— Нет.

— А полки пересчитала?

— Вожу сейчас не я, значит, могу.

Я засмеялась. Она всё-таки убрала свой телефон в сумку.

Через час мы съехали на большую стоянку возле придорожного кафе. Мне хотелось размять ноги, а Дженни — кофе. Я выбрала место подальше от входа, потому что возле входа люди парковались так, будто приехали на машинах, не имеющих дверей.

Подруга вышла первой и показала, сколько места сзади. Я остановилась, заглушила двигатель и некоторое время сидела, держа руль.

— Можно отпустить, — сказала она, открыв дверь.

— Проверяю, не собирается ли дом продолжать без нас. Дом не собирался.

Я спустилась. Земля приятно не двигалась. Дженни открыла боковую дверь, и внутри что-то тихо ударились.

Мы застыли.

Потом увидели: моя бутылка для воды скатилась с края стола на сиденье. Пустая. Я оставила её там перед выездом после инструктажа.

— Это я, — сказала я.

— Да.

— Она не разбила ничего.

— Пока.

Подруга убрала бутылку. Я прошла по маленькому проходу, проверила остальные вещи и передвинула пакет с хлебом так, чтобы он не мог повторить путь бутылки. Нам предстояло научиться жить в доме, который без предупреждения наклоняет пол.

Мы купили кофе и горячие пирожки, сели возле окна. Отсюда было видно автодом. Я поймала себя на том, что уже рассматриваю его как место, куда вернусь после еды. Дженни обожглась начинкой, предупредила меня не комментировать, потом засмеялась сама.

Мы достали карту на телефоне. До первой стоянки было ещё чуть больше двух часов. Не спеша, с остановкой у обзорной площадки. Кемпинг назывался «Бухта Ларк». В письме нас просили приехать до семи, чтобы спокойно разместиться. Если задержимся — позвонить.

— Мне нравится, что они рассчитывают на спокойствие, — сказала я.

— Мы успеем.

— Я не про время.

На выходе я пошла в туалет кафе. Дженни показала взглядом на парковку.

— Мы же взяли свой.

— Он ещё арендованный. Я не хочу слишком быстро переводить отношения в личные.

Когда я вернулась, подруга стояла возле автодома с ко-

фейными стаканами. На ней был новый лёгкий свитер, волосы убраны, лицо открытое. Она смотрела на дорогу, а не на экран.

— Теперь моя очередь, — сказала она.

Я с удовольствием согласилась.

Мы поменялись местами. Я убрала стаканы в держатели, закрепила сумку, поправила ремень. Дженни настроила кресло под себя. Изнутри машина опять стала чужой: я больше не отвечала за то, куда она движется.

Сначала мне было трудно не смотреть в зеркала вместо подруги. Потом я увидела полоску моря между холмами.

— Уже?

— Здесь дорога ближе подходит к берегу.

Море появлялось и исчезало. На одном повороте открылось сразу целиком, широкое, блестящее, с маленькими белыми точками лодок. Я попыталась сфотографировать его через стекло и получила прекрасное изображение собственного пальца.

Вторая фотография была лучше. На ней море занимало левый нижний угол, а остальное — рекламный щит про свежую рыбу.

Я отправила Джошуа.

Он ответил: «Главное, вижу, что вас кормят».

Маме я послала другую. Без щита. Она спросила, где наши лица.

Пришлось повернуть телефон на себя. Я выглядела

немного помятой, но довольной. Дженни смотрела на дорогу. Я не стала просить её отвлекаться ради семейного подтверждения благополучия.

— Ты меня сфотографировала? — спросила она.

— Половину.

— Какую?

— Правую. Она хорошо держит руль.

Подруга улыбнулась.

Телефон предложил короткий путь через городок, но мы остались на широкой дороге. По пути заправились. Я купила яблоки и салфетки, примерила в магазине огромную шляпу и оставила её там. Даже моё лицо не заслуживало такой рамки.

На одном из поворотов стоял указатель к усадьбе «Белый мыс». Ниже маленькая табличка сообщала, что сегодня там закрытое мероприятие.

Дженни бросила взгляд в ту сторону.

— Красивое место.

Я увидела длинную дорожку, фонари и белый край большого навеса среди деревьев. У въезда стояла машина с ленточкой на ручке.

— Для тех, кто любит закрытые мероприятия, — сказала я.

— Мы сейчас тоже можем закрыть своё. Дверь у нас есть.

— И список гостей короткий.

— Два человека.

— Не расширять.

Она засмеялась.

Я сказала это легко. Впереди был кемпинг, позади кафе с горячими пирожками. Всё ещё можно было ошибочно принять нас за женщин, которые умеют держаться собственного плана.

В «Бухте Ларк» нас встретила женщина в выцветшей рубашке и с карандашом за ухом. Она сидела в маленьком домике у въезда, где продавались мороженое, карты окрестностей и специальные пакеты для мусора. На стене висели часы, показывавшие без четверти четыре.

— Стоун? — спросила женщина.

— Да, — ответила Дженни.

— Рута Кин. Я здесь всем мешаю и всё решаю. Первое чаще.

Мне она сразу понравилась.

Рута нашла нашу бронь, показала план территории и объяснила, куда ехать. Место двенадцать. Рядом дорожка к берегу, недалеко душевые, с электричеством. Выезд завтра до одиннадцати, но если захотим остаться дольше, нужно сказать вечером.

— Пока одна ночь, — сказала Дженни.

— Хорошо. Не разворачивайтесь возле душевых. Проедете кругом.

Она посмотрела на меня.

— Первый раз?

Я оглянулась на машину, проверяя, не выдали ли нас надписью.

— В автодоме — да.

— Видно по тому, как вы обе смотрите на задние колёса.

— Они далеко.

— Привыкнете. Если будете парковаться, пусть одна выйдет, а вторая смотрит на неё. К кустам не прижимайтесь, там дорожка.

Рута вышла из домика, подняла шлагбаум и показала рукой, куда двигаться. На другой руке у неё висело небольшое полотенце. Она могла одновременно открывать кемпинг и вытирать стакан. Я позавидовала её управлению конечностями.

Мы поехали медленно. Справа стояли несколько жилых прицепов, возле одного сушили полотенца, возле другого мужчина устанавливал стол и ругался с его ножкой. Не с женой. Это было обнадеживающее зрелище.

Наш участок находился ближе к дальнему краю. За низкой оградой росла трава, дальше начинался склон к пляжу. Море было видно между деревьями. В соседнем доме на колёсах женщина читала, выставив ноги на стул. На неё никто не смотрел, и она явно ничего не доказывала отпуску.

Я вышла, чтобы помочь Дженни поставить машину. Подруга опустила окно.

— Откуда смотреть?

— На меня.

— Ты стоишь сбоку.

Я перешла.

— Теперь на меня.

Она осторожно сдала назад. Я махнула рукой, но слишком быстро. Дженни остановилась.

— Это значит, что ещё можно или что уже нельзя?

Я задумалась.

Рута, которая шла к нам по дорожке, остановилась возле ограды.

— Поднимите ладонь, если нужно остановиться. Не танцуйте.

Я подняла ладонь.

Дженни остановилась.

— Отлично, — сказала Рута. — Уже понимаете друг друга.

— Мы двадцать лет пытаемся, — ответила я.

Она посмотрела на наше расположение, указала, куда сместиться чуть левее. Ещё два небольших движения — и автомобилем оказался ровно внутри площадки. Подруга выключила двигатель, я опустила руки.

Мне захотелось сесть. Я не столько помогала парковаться, сколько отрабатывала всю дорогу плечами.

Мы подключились с помощью Руты. Она не делала всё за нас, а показала, где именно находится нужная стойка. Я прочитала номер ещё раз, чтобы не отнять электричество у женщины с книгой. Подруга проверила индикатор внутри.

— Работает.

— Хорошо. Душевые за углом, закрываются поздно. Горячая вода есть, только не занимайте кабинку на час. Прачечная там же. В магазинчике продукты простые, хлеб к восьми утра. Если надо, можно заказать.

— Два небольших, — сказала Дженни.

Рута записала.

— Гости после десяти не шумят. Если кто-то приезжает к вам, пусть сначала отметится у меня. Ворота на ночь закрыты для машин. Пешеходная калитка свободна изнутри. Камера у въезда, так что не машите ей личными вещами, она их не оценит.

— Я пока никого не ждала, — сказала Дженни.

— Тогда особенно хорошо отдохните.

Рута ушла. Мы постояли рядом с домом, глядя на море.

— Получилось, — сказала подруга.

— Да.

— Ты чего такая серьёзная?

— Не хочу сглазить до первого душа.

Дженни открыла боковую дверь. Внутри уже было немного жарко, мы подняли сетки на окнах и устроили небольшой сквозняк. Я взяла бутылку с водой из холодильника. Она действительно стала холодной. Такое доказательство техники произвело на меня большее впечатление, чем весь инвентарь.

— У него получается, — сказала я.

— Он для этого и нужен.

— Мне приятно знакомиться с людьми и вещами, которым понятна их работа.

Мы занялись устройством. Сумку с одеждой поставили под край задней кровати так, чтобы можно было достать. На этой модели там был открытый отсек с ремнём, который мы затанули для дороги, но теперь отпустили. Личные сумки убрали в узкий шкаф у спального места. Я вынула чистую футболку, Дженни лёгкие брюки. В машине мы ехали в удобной одежде, которая к середине дня уже перестала притворяться свежей.

Переодевались по очереди. Я сидела за столом, пока подруга возилась за закрытой шторкой в задней части. Потом мы поменялись. В своей комнате я могла снять футболку, не думая о мебели. Здесь, поднимая руку, нужно было учитывать потолок.

Браслет опять зацепился за ткань. Я освободила его, вывернула рукав и наконец оделась. На всё ушло заметно больше времени, чем на обычный переезд из плохого настроения в хорошее.

— Всё? — спросила Дженни.

— Я целиком внутри новой футболки.

— Тогда можно открыть.

Я отодвинула шторку.

Мы поели за столом. Контейнеры моей мамы уместились рядом с хлебом, кружками и двумя тарелками. Я села, по-

друга села напротив. Колени встретились.

— Извини.

— Ничего. Передвинь немного ноги.

Я передвинула. Теперь колено упиралось в опору стола.

Понадобилось ещё одно движение. Потом мы нашли положение, в котором обе могли есть, не принимая это за соревнование по гибкости.

Мама приготовила овощи, немного риса и бобы. На крышке написала: «Съесть сегодня». Я не стала спорить с последней прямой инструкцией из дома.

Дженни попробовала, закрыла глаза.

— Хорошо.

Я тоже попробовала.

За окном мужчина наконец справился со столом и поставил на него тарелку. Его жена принесла чашки. У них всё получилось без публики, если не считать меня.

Мы ели медленно. Разговор начал разваливаться на мелочи, не требующие ответа. Видели ли мы ту шляпу на заправке. Не жмут ли новые сандалии. Где у меня салфетки. Подруга спросила про фонарь, я показала, куда положила. На этот раз не в холодильник и не под кровать.

— Родителям отправим? — сказала она.

Мы сфотографировали автодом и себя рядом с ним. На первом снимке я не успела решить, куда деть руки, на втором уже выглядела как нормальная отпускница. Мама спросила, съели ли мы еду. Папа написал: «Хорошо стоит». Джошуа

поинтересовался, поместилась ли я в душ. Я ответила, что пока живу на суше.

После еды мы спустились к пляжу. В бухте дети строили из песка сооружение, которому море уже готовило окончательную оценку. Я сняла сандалии, прошлась по мокрому краю. Дженни на минуту задержалась поговорить с Марой. Магазин работал, первый подарок продали, упаковку выбрали без её помощи. Подруга убрала телефон и догнала меня.

За каменным выступом пляж заканчивался, начиналась дорожка вдоль берега. Отсюда было видно белое здание на мысу. Я узнала навес из окна машины. Сейчас возле него собирались люди, маленькие, далеко. На траве стояли длинные столы.

— Та усадьба, — сказала Дженни.

— Кажется.

— Сегодня свадьба.

Она указала на арку возле края газона. Я прищурилась. Разглядеть детали было невозможно, но белая дорожка и ряды стульев не оставляли большого выбора.

— Хорошо, что у нас обувь для песка, — сказала я.

— Ты бы не пошла?

— На чужую свадьбу? Если бы пригласили и дали нормальное место, может быть. Но отсюда видно лучше. Я никому не испорчу фотографию.

Дженни подняла руку, прикрывая глаза от солнца.

— Красиво.

— Да.

Мы постояли. Звук отсюда не доходил. Люди перемещались между столами, один человек поправлял белую ткань на арке. На таком расстоянии вся свадьба выглядела событием, которое можно аккуратно сложить в коробку.

Я повернулась к воде.

— Купаться будем?

— Завтра утром, если будет тепло.

— Тогда сейчас просто посмотрим.

Мы посмотрели. На море, на детей, на лодку, которая медленно прошла за бухтой. И вернулись в кемпинг, когда начали мёрзнуть ноги.

Возле нашего автодома соседка с книгой поливала маленькое растение, которое возила с собой. Она представилась Эйлин. Путешествовала одна, здесь собиралась задержаться на три дня. Посоветовала не пытаться всё время ехать, иначе к концу отпуска запомним только парковки. Я придержала ей дверь, пока она заносила горшок. Впервые за день мои руки никого не подвели.

Дженни разложила стулья. Мы не стали трогать навес: солнце уже уходило, инструкция про ветер лежала открытой. Подруга сказала, что лучше научиться сначала на простом.

Я села.

Кресло раскрылось нормально. Моя задница не протесовала. На фотографии женщина, возможно, действительно сидела без сложных внутренних переживаний.

— Ну? — спросила Дженни.

— Удобно.

Она села рядом.

Мы поставили между собой небольшой складной столик. На нём разместились стаканы и миска с нарезанным яблоком. От этого наше место стало похожим на стоянку людей, которые знают, чем занимаются.

Рута прошла мимо с двумя мешками мусора, один несл, другой тащила на маленькой тележке.

— Освоились?

— Пока да, — ответила Дженни.

— Хорошо. Если вечером услышите музыку, это с мыса. Иногда ветер приносит. После одиннадцати должны закончить.

— Там свадьба? — спросила я.

— В «Белом мысе» сегодня свадьба. Но музыка может быть и из посёлка. У нас люди умеют веселиться в нескольких местах сразу.

Она пошла дальше.

Я подцепила кусочек яблока. Дженни сказала, что раньше представляла себе большую свадьбу, а теперь лучше понимает, сколько стоят столы. Я предложила оценивать женихов по условиям возврата. Подруга сказала, что некоторых это бы спасло.

Некоторое время сидели молча. На соседних участках люди готовили ужин. Пахло чем-то жареным, травой и тёплым

деревом. Эйлин включила внутри лампу, её окно засветилось мягким жёлтым. Где-то хлопнула дверца автомобиля. Со стороны мыса донеслась музыка — едва слышная, без слов.

Я вытянула ноги, посмотрела на чистые носки, которыми так предусмотрительно запаслась.

Мне стало очень хорошо.

Никуда не хотелось идти. Можно было просто смотреть на море, пока Дженни сидела рядом.

Потом захотелось в туалет.

Пришлось идти.

Я сходила к общим душевым. Они оказались чистыми, просторными, с нормальными крючками. Но собственный душ всё равно требовал испытания.

Я вернулась с таким выражением, что Дженни подняла голову.

— Что?

— Я решила попробовать.

— Что именно?

— Мыться дома.

Она кивнула на дверь.

— Полотенце справа. Только сначаланими с крючка мой свитер, я пока туда повесила.

Я сняла. Вошла с полотенцем и чистым бельём, закрыла дверь. Мне удалось включить воду, намочить волосы и понять, что флакон с шампунем стоит снаружи.

— Дженни.

— Что?

— Передай.

— Что?

— Шампунь.

Дверца открывалась наружу. Я приоткрыла её на ладонь, выставила руку. Подруга вложила флакон.

— Спасибо.

Закрыла. Поставила флакон. Намылила голову. Поняла, что, когда закрываю глаза, теряю ощущение расстояния до стенки. Осторожно повернулась, мягко ударилась локтем.

— Всё нормально? — спросила Дженни.

— Да. Я знакомлюсь с планировкой.

Смыла шампунь, выключила воду, вытерлась, оделась. Полотенце пришлось держать сразу под двумя углами, чтобы не намочить одежду. Ноги слушались неохотно. В конце я выглянула наружу, убедилась, что проход свободен, и вышла с выражением профессионального человека, пережившего сложный монтаж.

Дженни сидела за столом.

— Ну?

— Я чистая.

— Вижу.

— И машина внутри меня пока не застряла.

Она рассмеялась, взяла своё полотенце. Я предупредила про шампунь. Она забрала его с собой.

Через семь минут подруга вышла. Без происшествий, с сухой одеждой и аккуратно завернутыми волосами.

— Не демонстрируй, — сказала я.

— Что?

— Талант.

Мы повесили полотенца так, чтобы они могли высохнуть, и поставили воду для чая. На этот раз шкафы оставались закрытыми. Я достала хлеб, тарелки, убрала всё со стола, что мешало еде. Дженни подогрела овощи.

Когда мы сели, снаружи уже заметно темнело. В кемпинге загорелись дорожные лампы. Ветер принёс обрывок громкого смеха со стороны мыса, потом музыка снова стала тихой.

Я намазала хлеб мягким сыром, который купили по дороге. Первый кусочек упал на стол, я подняла его салфеткой. Ничего не успело погибнуть. Мы разговаривали о завтрашнем маршруте, о том, что можно задержаться на обзорной площадке севернее, и о небольшом рынке, который Дженни видела на карте.

— Не надо весь день ехать, — повторила она слова Эйлин.

— Я только за.

— Тогда завтра короткий перегон.

— До места, где есть хлеб.

— Там везде есть хлеб.

— Не хочу узнавать обратное опытным путём.

Мы допили чай. Я вымыла тарелки, стараясь не тратить слишком много воды. Подруга вытерла стол. Часы на её те-

лефоне показывали четверть девятого.

Она предложила пройтись ещё немного перед сном. Я согласилась. Мы надели лёгкие кофты, взяли ключ и вышли. Боковую дверь закрыли. Проверили. Это были простые движения, и от их простоты я получила удовольствие.

Дорожка к берегу лежала в тени. На пляже уже почти никого не было. У воды осталась пара, которая собирала детские игрушки. Мужчина нашёл маленькую лопатку и поднял её вверх, женщина кивнула, как будто подтверждала завершение экспедиции.

Мы дошли до нижней скамейки. Я села, Дженни встала возле перил. На мысу горели огни. Музыка теперь было слышно яснее. Кто-то произносил в микрофон фразу, но ветер унёс середину, оставив только «вместе» и «счастья».

Я посмотрела на море. В темноте оно не требовало быть красивым. Просто двигалось, шумело и возвращалось к берегу.

Дженни вдруг подняла голову.

— Смотри.

По верхней дорожке, которая шла от мыса к посёлку, быстро двигалась светлая фигура. Женщина. Подол платья она держала обеими руками. На секунду остановилась возле фонаря, наклонилась, потом снова пошла.

— Невеста? — спросила я.

— Похоже.

Она была далеко. Мы видели белую юбку, тёмные волосы,

маленькую сумку, перекинутую через плечо. В другой руке — что-то большое, мягкое.

— Фотографируется? — предположила Дженни.

— Без фотографа?

Подруга не ответила.

Женщина исчезла за деревьями. Музыка продолжалась. Я ещё некоторое время смотрела на дорожку, но никто следом не появился.

— Может, переодеваться пошла, — сказала я.

— Может.

Мы посидели ещё немного. Дженни рассказала, что после первой большой недели работы магазина ей хотелось заснуть прямо в кладовой. Я спросила, почему не заснула. Она сказала: боялась, что её найдут утром поставщики.

— Они бы поняли.

— Они бы попросили подписать накладную.

Я засмеялась.

Когда мы поднялись, с мыса снова донёсся голос. На этот раз отчётливо было слышно имя, но я не разобрала его. Нас оно не касалось. Мы направились к нашему участку, решив, что вполне можем лечь раньше остальных отдыхающих.

Рядом с душевыми кто-то уронил бутылку шампуня. Я услышала знакомый звук и обернулась. Мужчина в полотенце пытался поднять её, не потеряв полотенце. Жена стояла в нескольких шагах и держала остальную одежду.

— Я сказала взять пакет, — произнесла она.

— Я взял.

— Он у меня.

Я быстро отвернулась. Иногда нужно дать людям возможность закончить семейный разговор без второго ряда.

Наш автодом стоял там, где мы его оставили. Окна были тёмные. Стулья мы успели сложить перед прогулкой, столик стоял под машиной. Всё было наше в том смысле, который позволял договор аренды.

Я открыла дверь, ступила внутрь. Дженни остановилась снаружи.

— Пэм.

Я обернулась.

На краю нашего участка стояла женщина в свадебном платье.

Вблизи платье выглядело не так, как на верхней дорожке. На подоле темнели пятна. Кружево зацепилось за сухую ветку, женщина держала её пальцами, не решаясь потянуть. Волосы, собранные на затылке, частично выбились. Она была примерно нашего возраста, может быть, немного моложе. Без фаты. Одна серьга блестела под лампой, другую прикрывала прядь.

На плече висела маленькая сумочка. На земле возле ноги стояла широкая тканевая сумка, тяжёлая по тому, как вдавилась в неё ручка. В одной руке женщина держала туфли.

Она посмотрела на нас и сказала:

— Простите. У вас можно немного посидеть?

Дженни сразу шагнула к ней.

— Конечно. Вам плохо?

— Нет. То есть... я устала.

Я вышла обратно. Посмотрела на бок нашей машины, на белый подол, на туфли. Потом на женщину.

— Вы со свадьбы на мысу?

Она кивнула.

— С моей.

Некоторое время никто не говорил.

На соседнем участке Эйлин закрыла дверь. Щёлкнул замок, в окне появилось её лицо. Она посмотрела на нас, но не стала выходить.

Дженни разложила стул. Я взяла второй. Женщина попыталась сесть, но юбка легла на подлокотники и оставила её почти стоящей.

— Сейчас, — сказала я.

Подняла край ткани, чтобы освободить сиденье. Платье оказалось тяжёлым. Под белым верхом было ещё несколько слоёв, каждый претендовал на собственный стул.

— Это всё ваше? — вырвалось у меня.

Женщина посмотрела вниз, потом на меня.

— К сожалению.

Я улыбнулась. Она тоже, очень коротко.

Дженни помогла ей устроиться, принесла воды. Незнакомка взяла стакан двумя руками и выпила половину сразу. На правой руке у неё дрожали пальцы. На левой было коль-

цо, не огромное, но заметное. Камень в нём ловил свет даже здесь.

Я придвинула нашу маленькую лампу, которую успела поставить на столик.

— Здесь не слишком холодно? — спросила Дженни.

— Лучше, чем там.

Женщина посмотрела в сторону мыса.

— Как вас зовут?

— Вивьен.

Подруга представилась. Я тоже.

Вивьен повторила наши имена, словно старалась запомнить. Потом поставила стакан.

— Мне очень неловко. Я не думала, что придётся просить у незнакомых людей.

— Что случилось? — спросила Дженни.

Она промолчала.

Я села на ступеньку автодома, потому что стульев у нас было только два. Из этого положения разговор получался слегка снизу, зато мне не нужно было стоять с руками, для которых опять не нашлось работы.

— Если вам нужна помощь, здесь есть хозяйка, — сказала я. — Она возле въезда. Может вызвать машину. Или кого-нибудь другого.

Вивьен покачала головой.

— Я могу сама вызвать. Только телефон почти сел, и... я пока не хочу ехать.

Она открыла маленькую сумочку. Достала аппарат с треснувшим уголком защитного стекла, нажала кнопку. Экран загорелся, показал низкий заряд. На нём появилось сразу несколько уведомлений. Вивьен быстро погасила экран.

Дженни глянула на меня.

Я спросила:

— Кто-то может сюда прийти за вами?

Вивьен посмотрела прямо на меня.

— Не знаю. Они видели, что я ушла. Но не знают куда.

— Кто — они?

— Люди со свадьбы.

Она потёрла лоб пальцами, стараясь не размазать остаток макияжа.

— Я не вышла замуж. Я ушла до того, как всё началось.

С мыса опять донеслась музыка. Вивьен повернула голову, и в её лице что-то сжалось. Не страх, который я ожидала увидеть. Скорее злость человека, которому приходится слышать, как без него продолжают запланированное веселье.

— Простите, — сказала она. — Я не могу сейчас нормально рассказать.

Дженни поставила возле неё коробку бумажных салфеток.

— Вам угрожали?

— Нет. Не так.

— А как?

— Я узнала кое-что. Сегодня. И не смогла...

Она замолчала, вдохнула, посмотрела на туфли у своего

стула.

— Я поняла, что не хочу быть там ни минуты. Но уйти спокойно мне не дали бы. Начались бы разговоры, просьбы, все бы спрашивали, что я делаю. Моя мать...

Вивьен снова замолчала.

Я не стала заканчивать за неё. Моя мать тоже иногда могла возникнуть в предложении и занять всю оставшуюся часть разговора. Только сейчас это было не поводом искать сходство.

— Вам нужно сообщить кому-нибудь, что вы в безопасности? — спросила я.

Она кивнула.

— Я напишу.

— Можем дать зарядку, — сказала Дженни.

Вивьен показала разъём. Такой же, как у подруги.

— Подойдёт, — сказала та. — Зарядим.

Я всё ещё смотрела на широкую сумку. Вивьен заметила.

— Здесь несколько подарков. Мне передали перед церемонией. Я не знала, куда поставить, взяла с собой.

— С собой куда? — спросила я.

— В комнату. Когда переодевалась. А потом... просто схватила.

Она опустила глаза.

Платье шуршало при каждом движении. На боку виднелась незастёгнутая до конца молния. Из-под неё торчала тонкая белая лента. Вивьен попробовала заправить её, но не до-

тянулась.

— У вас сзади, — сказала Дженни.

— Знаю. Оно растянулось, пока шла.

— Давайте помогу.

Она встала.

Вивьен тоже попыталась подняться. Подол зацепился за ножку стула. Она потянула, стул поехал следом. Я поймала его, но теперь сама оказалась прижата юбкой к ступеньке.

— Не двигайтесь пока, — сказала я.

Вивьен замерла.

Дженни отвела ткань. Я высвободила свою ногу и отпустила стул.

Мы все посмотрели на его ножку.

— Он цел? — спросила Вивьен.

— Да. Он ещё не понял, что происходит, — ответила я.

Она вдруг рассмеялась. Настоящим коротким смехом, который сразу оборвался, потому что ей пришлось прижать ладонь к лицу.

Дженни осторожно подняла молнию. Та прошла немного и остановилась.

— Тут ткань зажало.

— Тогда не надо. Я вообще хочу это снять.

Вивьен сказала последние слова почти сердито, как будто платье имело отношение к тому, из-за чего она ушла.

Я спросила:

— У вас есть другая одежда?

Она покачала головой.

— Чемодан в комнате. Вещи на поездку. Я не могла вернуться.

— К кому-нибудь из знакомых можете поехать?

Вивьен провела ладонью по волосам.

— Здесь нет. Приехали на свадьбу. Мне нужно немного времени, а потом я решу.

Я посмотрела на Дженни. Подруга стояла рядом с Вивьен, придерживая зажатую часть платья. В свете лампы их лица были одинаково серьёзными.

В прошлом я могла бы легко увидеть в незнакомке возможность. Кольцо, сумка, ночь, женщина, которая не знает, кому довериться. От этой мысли стало неприятно, и я сразу отодвинула лампу так, чтобы мне не приходилось смотреть на её руку.

— Давайте сначала к Руте, — сказала я. — Здесь нельзя просто оставаться незаметно. Нужно сказать, что вы у нас. Если решите ждать.

— Она меня выгонит?

— Она ещё нас не выгнала. У вас хорошие шансы.

Вивьен посмотрела на свою одежду.

— Я не могу так идти.

Я подумала. Потом вошла в автодом и достала одну из своих свободных футболок и лёгкие брюки с мягким поясом. Не красивые. Зато в них можно было сидеть, не увозя за собой мебель.

— Можете пока переодеться, — сказала я. — Внутри есть шторка. Возле кровати. Потом решим.

Дженни взяла вещи.

— И умыться. Мы недавно были в душе, горячая вода ещё должна быть.

Вивьен подняла тканевую сумку.

Я уже хотела предложить оставить её снаружи, но остановилась. Если у человека внутри подарки, он не обязан передавать их женщине, которая представилась две минуты назад.

— Осторожнее на ступеньке, — сказала я.

Она шагнула, юбка задела дверной проём. Подруга подняла край. Я помогла занести сумку. Втроём мы поместились внутри, но далеко не сразу пришли к соглашению, кто должен стоять первым.

Вивьен поставила багаж возле стола.

— Простите. Я вам всё испачкаю.

Я посмотрела на подол. На нём были следы земли и травы.

— Пока только пол. Его можно вымыть.

— А сиденья?

— Тогда сначала снимем платье.

Я говорила очень уверенно для человека, который недавно сам с трудом сменил футболку.

Дженни провела Вивьен к задней части, закрыла шторку. Я осталась возле кухни. Через минуту подруга выглянула.

— Пэм, здесь молния совсем.

— Что совсем?

— Не идёт.

Я посмотрела на узкий проход. Потом на шторку.

— Нам точно хватит места?

— Она стоит. Я сбоку. Ты сзади.

Мне предлагали очень определённое будущее.

Я сняла кофту, чтобы не цепляться рукавами, и прошла.

Вивьен стояла возле кровати, повернувшись к нам спиной. Дженни придерживала край платья. Молния действительно захватила тонкую подкладку.

— Только не рвите, — попросила Вивьен.

— Я не собираюсь.

Мы попробовали осторожно освободить ткань. Дженни держала, я смотрела ближе. Подол всё время попадал мне под ноги. Один раз я качнулась, оперлась ладонью о стенку и почувствовала, что на пальцах осталось несколько маленьких бусин.

— Это откуда?

Вивьен посмотрела через плечо.

— С рукава. Наверное, зацепила куст.

Я положила бусины на край полки. Их было четыре. Блестящие, маленькие, гораздо дешевле кольца, но для залога уже достаточно обидные.

Мы наконец освободили подкладку. Дженни осторожно потянула застёжку вниз. Платье ослабло, Вивьен выдохнула и наклонилась.

— Теперь сами, — сказала я и быстро выбралась за штору.

Ещё несколько минут ткань шуршала. Потом Дженни вышла с огромным белым комом в руках.

— Куда?

Я посмотрела на стол.

— Не туда. Там еда была.

— Я вижу.

Мы положили платье на чистую простыню, которую прокат оставил для дополнительной кровати. Свернули подол внутрь, чтобы земля не оказалась везде. Простыню потом можно было постирать. Я записала в уме: не забыть про неё, когда будем возвращать машину.

Вивьен вышла в моей футболке и брюках. Теперь она выглядела обычной уставшей женщиной, которая зашла не в тот дом. Волосы она распустила. На плечах остались следы от тесного верха платья.

— Спасибо, — сказала она.

— Как размер?

— Хорошо.

Я посмотрела на пояс брюк. На мне они сидели свободнее. Вивьен подвернула одну штанину.

— Только длинноваты.

— Значит, у них наконец появился подходящий рост.

Она снова улыбнулась.

Дженни объяснила про душ и дала чистое небольшое по-

лотенце из запасного комплекта. Вивьен спросила, можно ли сначала зарядить телефон. Мы показали розетку. Она подключила аппарат на кухонной полке, рядом поставила сумочку, но сразу убрала её себе на плечо.

— Я недолго.

Она закрылась в душевой.

Я взглянула на Дженни.

— Что?

— Она одна, — сказала подруга тихо.

— Вижу.

— И ей некуда идти.

— Пока она не знает, куда идти. Это разные вещи.

Дженни села на край сиденья.

Я опёрлась о кухонную тумбу, нашла ладонью влажное место и передвинула руку.

— Я не предлагаю вытащить её наружу, — сказала я. — Я предлагаю узнать, что мы делаем.

— Переночует. Завтра решит.

Я посмотрела на стол, который недавно мы раскладывали с Оуэном.

— Там можно сделать кровать.

— Да.

— В договоре дополнительные гости?

— Для ночёвки можно. До четырёх мест, я спрашивала. Но нужно оформить у стоянки.

Мне стало легче. По крайней мере, одна из нас слушала

про жильцов не только в той части, где были кнопки.

За дверью включилась вода. Вивьен сразу выключила её, что-то упало, потом снова послышался слабый шум.

— Она хотя бы умеет пользоваться нашим домом не лучше меня, — сказала я.

Дженни посмотрела на дверь.

— Ты не против?

Я вздохнула.

— Я против того, чтобы это стало привычкой. Но одна ночь — ладно.

Подруга кивнула.

— Спасибо.

— Мне тоже некуда идти. Всё моё ночное жильё под твоей кроватью.

Она засмеялась тихо.

Я взяла чистую тряпку, вытерла следы земли возле входа. На полу осталось два лепестка или кусочка цветочного украшения, определить точно было трудно. Подняла их салфеткой. Один был белый, другой бледно-розовый.

Когда Вивьен вышла, она выглядела спокойнее. Умытое лицо потеряло ту гладкость, которую люди специально создают для фотографий. На щеке виднелась маленькая ссадина, почти у самого уха.

— Ветка, — сказала она, заметив мой взгляд.

— Есть вода и салфетки, — ответила я. — Если нужно.

Она поблагодарила.

Дженни объяснила, что можно переночевать, но сначала нужно сходить к хозяйке. Вивьен согласилась не сразу. Посмотрела на телефон, который успел набрать немного заряда, проверила экран и снова положила.

— Я отправила матери сообщение. Что со мной всё в порядке.

— Хорошо, — сказала подруга.

— Она всё равно будет звонить.

— Может, ответить?

Вивьен покачала головой.

— Не сейчас.

Мы не стали заставлять. Я вспомнила себя в некоторые вечера после разговора с Рико. Возможность не поднимать трубку иногда стоила больше возможности быть правой.

Вивьен взяла из сумочки небольшой кошелёк с карточками и пошла с Дженни к домику. Я осталась в машине. Дверь оставила приоткрытой, чтобы не превращать чужую сумку в предмет, который я заперла вместе с собой.

Платье лежало на простыне. В свернутом виде оно всё равно занимало почти половину заднего спального места. Я осторожно подвинула край. Из складки выпала ещё одна бузина. Я собрала её к остальным на полку.

Телефон Вивьен завибрировал.

На экране высветилось имя. Я отвернулась раньше, чем успела прочесть полностью. Взяла свой аппарат, написала Джошуа: «Здесь всё нормально. Только у нас появилась го-

стья».

Он ответил не сразу.

Я села за стол. Посмотрела на тканевую сумку. Верх был прикрыт, но между ручками виднелась квадратная коробка в синей бумаге. На углу золотилась маленькая наклейка. Без имени, насколько я могла видеть отсюда.

Чужие подарки в моём временном доме.

Я достала папку проката и положила рядом с собой. Это не помогало, но давало рукам законное занятие.

Джошуа спросил, помещается ли гостя. Я написала, что по частям, рассказала коротко про свадьбу и ночёвку. Он попросил не позволять сделать нас ответственными за всё сразу. Я ответила, что постараюсь.

Когда вернулись Дженни и Вивьен, я убрала телефон.

— Всё хорошо? — спросила подруга.

— Да.

— Рута записала гостью. За дополнительного взрослого небольшая доплата, я внесла. Она сказала, утром можно вызывать такси.

Вивьен посмотрела на меня.

— Я отдам деньги.

— Завтра, — сказала Дженни.

— Нет, сейчас.

Она полезла в кошелёк, достала купюру. Подруга приняла только нужную часть, дала сдачу из своих денег. Я оценила эту простую мелочь: Вивьен не пыталась купить себе молча-

ние большим жестом, Дженни не изображала богатую благотельницу.

— Рута спрашивала про свадьбу? — спросила я.

Вивьен кивнула.

— Я сказала, что сама ушла. Она... она нормальная.

— Да, — ответила я.

Мы вошли. Телефон Вивьен опять вибрировал. Она взглянула, перевела в тихий режим.

— Я могу оставить зарядку до утра?

— Конечно, — сказала Дженни.

Вивьен села за стол. Я вынула запасную кружку, предложила чай. Она согласилась, но есть сначала отказалась. Через минуту спросила, осталось ли немного хлеба.

Мы положили на тарелку сыр, хлеб, несколько кусочков овощей. Она ела медленно, маленькими порциями. Один раз дрогнула рука, сыр упал с края. Я подставила тарелку раньше, чем он добрался до сиденья.

— Простите.

— Со мной здесь постоянно так, — сказала я. — Сыр хотя бы не горячий.

Дженни спросила, хочет ли она поговорить о том, что случилось. Вивьен некоторое время смотрела в кружку.

— Я не знала его так хорошо, как думала.

Я кивнула. Это было слишком знакомое предложение, чтобы сразу задавать следующий вопрос.

— Мы собирались уехать после свадьбы, — продолжила

она. — На несколько дней вдоль побережья. Всё заказали. Он говорил, что после станет проще. Что до церемонии все нервничают, всем нужны деньги, все что-то требуют...

Она провела пальцем по краю кружки.

— Вы поймёте, если я не расскажу сейчас подробности?

— Поймём, — сказала Дженни.

Я сказала:

— Только если есть что-то, что касается нас этой ночью, лучше скажите.

Вивьен подняла голову.

— Нет. Я никого за собой не привела.

Это был ответ, но не совсем на мой вопрос. Я заметила и пока не стала поправлять.

— Он не знает, где я, — добавила она. — Я не писала сюда адрес.

— А завтра?

— Уеду. Сначала нужно забрать кое-что.

— Вещи со свадьбы?

Она помолчала.

— Возможно.

Дженни посмотрела на её кольцо. Вивьен тоже. Потом повернула руку ладонью вниз.

— Я думала, мне нужно только успокоиться. А теперь не хочу возвращаться даже за чемоданом.

— Но документы у вас с собой? — спросила я.

— Да.

— Деньги тоже?

— Да. Немного.

— Тогда чемодан может подождать.

Я сказала это и почувствовала, что на словах очень легко быть женщиной, которая не нуждается в одежде. На деле мне понадобились две сумки и отдельные лишние носки.

Вивьен доела хлеб. На столе лежала её небольшая сумочка, телефон оставался возле розетки. Она достала несколько сложенных листков, просмотрела, отделила один и оставила возле кружки. Остальные убрала.

— Маршрут? — спросила Дженни, увидев верхнюю часть.

— Был.

Вивьен подвинула листок к себе, сложила ещё раз.

— Я не знаю, куда теперь поеду.

— Утром можно посмотреть, — сказала подруга. — Вдоль дороги есть города. Автобусы.

— Да.

Вивьен подняла глаза.

— Вы не возьмёте меня с собой дальше?

Я услышала, как снаружи закрылась дверь соседней машины.

Дженни не ответила сразу. Посмотрела на меня.

Я поставила кружку.

— Мы не знаем, что у вас случилось. Нам завтра ехать по своему маршруту. Сейчас можно переночевать, а утром решить, куда вам нужно.

Вивьен опустила взгляд.

— Конечно. Простите.

Слово «простите» она произносила часто. Но я не могла понять, насколько оно её останавливает.

Дженни потянулась к сумке под кроватью, достала запасные чистые носки. Свои. Протянула Вивьен.

— Пол прохладный. Возьмите. Туфли потом.

— Спасибо.

Вивьен натянула носки, подогнув пальцами край. На ней оказались мои брюки, моя футболка и носки Дженни. Всё было обычное, без белых лент, без драгоценной вышивки. Я почти перестала воспринимать её как невесту.

Пока не посмотрела на сумку с подарками.

— Давайте уберём туда, где никто не заденет, — сказала я.

Вивьен кивнула. Подняла сумку. Она была тяжёлая, я увидела это по движению плеча, предложила придержать.

— Я сама.

Она поставила её внизу под передним сиденьем у стола, оставив ручки снаружи. На секунду верх открылся. Внутри я увидела три небольшие коробки: синюю, узкую бордовую и плоскую светлую с лентой. Никаких мешков денег, никакого огромного богатства. Просто несколько вещей, которые легко могли испортить очень много людям вечер.

— Так не помешает, — сказала Вивьен.

— Хорошо.

Мы убрали посуду.

Дженни начала готовить переднюю кровать. Я держала стол, она освобождала опору.

— Помочь? — спросила Вивьен.

— Лучше пока посидите сзади, — сказала я. — Нам нужно место для паники.

Она перешла. Села на край нашей кровати, рядом с завернутым платьем. Стол сначала остановился слишком высоко: мешала моя нога. Убрать её не получилось, не опустив край на руку Дженни. Вивьен придержала стол с другой стороны, мы освободили опору и наконец уложили подушки. Передняя часть дома превратилась в кровать. Проход стал ещё уже.

— Вот, — сказала Дженни.

Вивьен провела ладонью по покрытию.

— Спасибо. Правда.

Подруга застелила постель. Я забрала платье с задней кровати, положила на свободную полку над сиденьем, стараясь не придавить ручки шкафов. Вся ткань не помещалась, но можно было устроить её так, чтобы не свисала людям на лицо. Земля оставалась внутри завернутой простыни.

Дженни принесла подушку, небольшое одеяло. Вивьен сняла с руки кольцо. Посмотрела на него. Положила обратно на палец. Потом всё-таки сняла и убрала в маленький мешочек из своей сумки.

Я отвернулась к окну. Закрыла штору.

— Если захотите выйти, дверь открывается отсюда, — объяснила я. — Запираться снаружи мы вас не будем. Толь-

ко машину ночью не двигайте.

Вивьен улыбнулась.

— Я бы и не смогла.

— Здесь есть люди, которые тоже утром не смогли. Но мы постепенно учимся.

Дженни показала ночную лампу, место, где лежит чистая вода, и где оставить полотенце. Вивьен ещё раз попросила разрешить зарядку до утра.

— Да, — повторила подруга. — Берите телефон, если нужно. Кабель длинный.

Вивьен проверила экран, отнесла аппарат к своему спальному месту. Подключила через тот же кабель, который дотягивался до полки рядом. Маленькую сумочку оставила возле подушки.

Мы пожелали спокойной ночи. Заднюю шторку закрыли. Дженни первой легла у стены, я ближе к проходу.

На часах было почти одиннадцать. Для первого дня в дороге — гораздо позже, чем мы собирались.

Я вытянула ноги, почувствовала матрас, чистую простыню и приятную тяжесть усталости. Подруга выключила свет с нашей стороны.

Некоторое время было слышно, как Вивьен двигается, устраивается. Потом всё стихло.

Я повернулась к Дженни.

— У нас появился третий пассажир, — прошептала я.

— На одну ночь.

— Я слышала.

Она повернулась ко мне.

— Ты злишься?

— Нет. Думаю.

— О чём?

— О том, что в рекламе не было места для свадебного платья.

Дженни тихо засмеялась.

Я тоже улыбнулась в темноте.

Подруга легонько коснулась моего плеча.

— Я бы не смогла её оставить снаружи.

— Я знаю.

— И ты тоже.

Я вздохнула. Мне не нравилось, когда во мне угадывали хорошее заранее. Сразу возникало ощущение, что теперь я должна его обслуживать.

— Посмотрим утром, — сказала я.

Снаружи кто-то прошёл по дорожке. Шаги удалились. Со стороны мыса музыка почти пропала. Внутри пахло нашим мылом, мокрыми волосами и совсем немного чужими духами.

Я закрыла глаза.

— Дженни?

— Что?

— Завтра мы действительно поедем дальше?

— Да.

— Сами?

— Сами.

Я кивнула, хотя она не могла этого видеть.

Перед сном я слышала, как Вивьен разговаривает по телефону.

— Нет, я не вернусь туда. Не сегодня. Я сказала, со мной всё в порядке.

Дальше она понизила голос, слов я не разобрала. Через минуту разговор закончился, за шторкой немного шуршала ткань. Дженни уже спала. Я перевернулась на спину и тоже уснула.

Утром меня разбудило солнце. Оно нашло узкую щель между шторами и положило на лицо такую аккуратную полосу, словно собиралось проверить, правильно ли я проснулась.

Я повернулась. Дженни ещё спала у стены. Волосы лежали на подушке, одна рука под щекой. Снаружи слышались голоса, стук дверцы, скрип колёс небольшой тележки. Кемпинг начинал день без нашего разрешения.

Я нащупала телефон. Семь сорок.

С другой стороны шторы было тихо.

Я осторожно выбралась из постели. На мне была длинная домашняя футболка, в которой можно ходить по квартире, но не очень хочется объяснять устройство своих ног незнакомым людям. Я потянулась к сумке с одеждой под краем кровати.

Рука нашла ремень.

Сумки не было.

Я наклонилась ниже. Посветила телефоном. В открытом отсеке лежал только пустой мешок для грязного белья.

Сначала я подумала, что Дженни переставила вещи. За предыдущий день она несколько раз меняла положение пакетов, добиваясь, чтобы мы могли одновременно двигаться и не разбивать хлеб.

Я приоткрыла шторку.

Передняя кровать была пуста.

Одеяло аккуратно сложено. Подушка стояла у стены. На полке возле розетки осталась зарядка Дженни, телефон исчез. Дверь была закрыта.

— Вивьен?

Мне никто не ответил.

Я проверила душевую, хотя исчезнувшая женщина с трудом поместилась бы там вместе с нашей большой сумкой.

Пусто.

На столике кухни стоял небольшой светлый мешочек. Внутри что-то блестело.

Я отступила.

— Дженни.

Подруга пошевелилась за шторкой.

— Что?

— Проснись.

— Который час?

— Час, когда я не знаю, где наши брюки.

Она появилась через несколько секунд. В пижамных шортах и майке, с одним закрытым глазом.

— Какие брюки?

Я показала на место под кроватью.

Дженни посмотрела. Наклонилась. Подняла пустой мешок для стирки.

— Ты переставляла?

— Нет.

Она отдёрнула шторку до конца, увидела переднюю кровать и замерла.

— Она вышла?

— Возможно. Вместе с нашей одеждой.

— Пэм.

— Я пока не знаю. Но сама она здесь не лежит, сумка тоже.

Мы проверили шкафы. Не потому, что кто-то мог спрятать туда огромную мягкую сумку, а потому, что иногда нужно выполнить несколько бессмысленных действий, прежде чем принять очевидное.

Личные сумки оставались на месте. Мы открыли свои. Документы, деньги, телефоны. Всё было с нами.

Мне стало легче настолько, что я села на край кровати.

Дженни вернулась к передней части, посмотрела под сиденье.

— Её сумка здесь.

Тканевый багаж с подарками стоял там, куда Вивьен по-

ставила его ночью. Ручки торчали наружу. Свернутое платье лежало на верхней полке, белый край немного свисал.

— И платье, — сказала я.

Подруга взглянула на мешочек возле кухни. Осторожно раскрыла, посмотрела и сразу закрыла.

— Кольцо.

Мы молча смотрели друг на друга.

— Она могла взять одежду и уйти постирать? — спросила Дженни.

Я посмотрела на часы.

— Чистую?

Она села рядом.

Я начала вспоминать, какие вещи не успела убрать в сумку. Вчерашние дорожные брюки оставались на крючке за шторкой, футболка тоже. У Дженни свитер лежал отдельно. Обувь была под передним сиденьем. Полотенца висели. У нас всё ещё имелось достаточно одежды, чтобы выйти из машины, не просить Руту организовать закрытое мероприятие специально для нас.

Но всё, что мы собирались носить следующие двенадцать дней, уехало без приглашения.

— Мои новые купальники, — сказала подруга.

Я закрыла глаза.

— Носки.

— Платье.

— И мои брюки.

— Пэм, перестань перечислять.

— Я сверяю ущерб по органам.

Она встала.

— Сначала посмотрим снаружи.

Мы оделись в то, в чём приехали. Дженни вытащила дорожные брюки, я натянула свои, прикрыла домашнюю футболку кофтой. Подруга завязала волосы. Глядя на неё, я поняла, что она начинает сердиться. Не громко, не на меня. Нижняя губа стала прямой, движения — слишком быстрыми.

Я не стала говорить, что предупреждала про гостю. Ничего такого я не предупреждала. Я сама дала ей брюки и объяснила, как выйти.

Снаружи было тепло. Эйлин стояла возле своего растения с чашкой.

— Доброе утро, — сказала она.

— Вы нашу гостью не видели? — спросила Дженни.

Эйлин посмотрела в сторону ворот.

— Рано ушла. Я проснулась, когда рядом открылась дверь. Потом увидела её возле дорожки. С сумкой.

— С большой? — спросила я.

— Да. Тёмной. Она махнула мне. Я подумала, вы уже собираетесь.

Дженни вдохнула через нос.

— А куда пошла?

— К выходу. Наверное, в посёлок. Часов в шесть. Я не

смотрела точно.

Мы поблагодарили.

Эйлин поставила чашку.

— Что-то случилось?

— Пока проверяем, — сказала подруга.

Мне захотелось произнести «она унесла наши трусы». Но стоять посреди кемпинга и объявлять об этом чужому растению было слишком неприятно даже для меня.

Мы дошли до домика Руты. Хозяйка раскладывала хлеб в бумажные пакеты. Увидела нас, кивнула на два свёртка.

— Ваш заказ.

Дженни заплатила. Я взяла хлеб.

— Наша вчерашняя гостя ушла, — сказала подруга. — Вы её видели?

Рута перестала перекладывать пакеты.

— Я пришла к семи. Нет. У неё всё хорошо?

— Не знаем. Она взяла нашу сумку с одеждой. Своё оставила.

Рута положила карандаш.

— Вы уверены, что взяла?

— Соседка видела её утром с большой тёмной сумкой. Мы проверили внутри. Нашей нет.

Хозяйка посмотрела на нас внимательнее.

— Давайте я гляну запись у калитки. Но если ваши вещи пропали, лучше сообщить полиции. Она вчера записала номер телефона. Можете сначала попробовать позвонить.

Дженни взяла ручку, переписала номер, который Рута показала на регистрационном листке, и набрала. Мы стояли молча. Хлеб грел ладонь через бумагу.

Звонок шёл долго. Потом включилось сообщение.

Подруга попробовала ещё раз.

То же самое.

— Напиши, — сказала я.

Она написала. Коротко, без просьб объяснить жизнь. Где наша одежда, когда вернётся, нужно связаться.

Рута открыла экран возле кассы.

— Мне несколько минут. Подождите у своей машины, я подойду.

Я спросила, можно ли оставить нашу бронь до выяснения.

— Конечно. Никто вас сейчас не выгоняет.

Мы вернулись. Дженни всё время смотрела на телефон.

— Может, перепутала сумки, — сказала она наконец.

Я посмотрела на тканевую сумку под сиденьем. Небольшую, широкую, светлую. Потом на пустое место сзади, где лежала наша длинная тёмная.

Подруга тоже посмотрела.

— Да. Не похоже.

Мы сели. Я положила хлеб возле кухни, в стороне от кольца. Дженни заметила сложенный листок под краем вчерашней салфетки.

— Она оставила.

Вверху было напечатано два имени: «Вивьен и Майлз».

Ниже — даты, названия городков, гостиниц, несколько предварительно заказанных прогулок. Внизу мелким шрифтом значилось название агентства. Я прочла только крупное: «Ваш медовый месяц на побережье».

Дженни развернула листок полностью.

Некоторые места совпадали с дорогой, по которой мы собирались ехать.

— Не трогай пока, — сказала я.

— Я просто читаю.

— Я знаю. Я тоже.

Мы оставили его на столе. Подруга проверила телефон. Сообщение доставлено, ответа нет.

В подарочной сумке всё ещё лежали коробки. У синей обёртка разошлась на углу, и через щель виднелся тёмный футляр с маленькой застёжкой. Я не стала открывать. Вчера эти вещи были чужими подарками. Сегодня они находились у нас без хозяйки, и мне это очень не нравилось.

— Позвоним сами, — сказала я. — Пока Рута смотрит запись.

Дженни кивнула.

Я достала телефон. В этот момент снаружи раздались шаги.

Подруга выглянула в окно.

— Рута идёт.

Она была не одна. Рядом с ней шёл мужчина в светлой рубашке, помятой у пояса, и тёмных брюках. Без пиджака.

На воротнике осталось небольшое пятно. Я не могла определить, от еды или от цветов. Мужчина посмотрел на наш автомобиль, потом на Дженни в окне.

Рута подняла руку.

— Девушки, выйдите на минуту. Здесь спрашивают про вашу гостью.

Я опустила телефон, но не убрала.

Мы вышли. Мужчина сразу посмотрел за нами в дверь.

— Где она?

— Ушла, — ответила Дженни.

— Куда?

— Мы не знаем. Вы кто?

— Майлз Эйвери. Её жених.

Я посмотрела на его руки. Он сжимал телефон так, что побелели пальцы. Ночью так же держала кружку Вивьен.

— Она пришла сама, — сказала я. — Попросила переночевать. Утром ушла.

Майлз глянул на мою одежду. На подругу. Снова на дверь.

— И вы просто её отпустили?

— Мы её не держали.

Он усмехнулся. Коротко, без веселья.

— На вашем месте я бы не пытался придумать это по дороге.

Дженни выпрямилась.

— Что именно?

— Она пропала с моей свадьбы. Вместе с подарками. Её

видели рядом с вашей машиной. Теперь вы говорите, что не знаете, куда она делась.

Я почувствовала, как под ладонью нагрелся телефон.

— Потому что не знаем.

Рута шагнула ближе.

— Давайте без крика. Я сейчас смотрела запись, сначала нужно...

— Я уже сообщил в полицию, — перебил её Майлз.

Музыки с мыса больше не было. На соседнем участке человек спокойно наливал себе кофе. На столе внутри лежал наш тёплый хлеб, рядом чужое кольцо. Вчера я думала, что хуже всего будет не вернуть залог.

Майлз посмотрел прямо на меня.

— Вы похитили мою невесту и ограбили гостей. Так что пока никуда не уезжайте.

Глава вторая

Невеста в комплект не входит

Я посмотрела на Майлза, потом на белый бок автодома. Наше временное жильё уже успело принять участие в похищении, хотя мы ещё не научились нормально раскладывать в нём стол.

— Невеста в комплект не входит, — сказала я.

Майлз не улыбнулся.

— Где она?

— Если бы мы знали, я бы сейчас спрашивала, где моя

одежда.

— Какая одежда?

— Та, с которой она ушла.

Он посмотрел на Дженни, ожидая, видимо, что хотя бы у второй преступницы найдётся приличный ответ.

Подруга скрестила руки.

— Вы можете слушать, когда вам отвечают? Она попросилась переночевать. Мы пустили. Она сама оформила ночлег у хозяйки. Утром её нет. Нашей сумки тоже.

— Удобно.

— Мне — нет, — сказала я.

Рута встала между нами, не столько закрывая проход, сколько занимая единственное место, откуда можно было смотреть на всех сразу.

— Полицию вы вызвали куда?

— Сюда.

— На въезд?

— Я назвал кемпинг.

— Тогда ждём. А пока вы не заходите в чужую машину и не начинаете здесь командовать.

Майлз поднял подбородок.

— Там могут быть мои вещи.

— Значит, дождёмся тех, кому вы об этом сообщили.

Он отступил на полшага. Рута посмотрела на меня. Я всё ещё держала телефон.

— Вы тоже можете позвонить, — сказала она. — И сказать

про свою сумку.

Я набрала номер, который нашла в подтверждении брони под словами «Если нужна срочная помощь». Мне ответили, я объяснила, где нахожусь и что у нас пропала одежда. Потом добавила, что рядом стоит мужчина, заявивший о похищении его невесты.

Одежда прозвучала жалко. Как будто я отвлекала важных людей от чужой личной трагедии из-за отсутствия чистых носков. Но носки всё равно принадлежали мне, и я не собиралась стыдиться этого только потому, что кто-то потерял невесту целиком.

У меня уточнили имя, номер участка и есть ли сейчас непосредственная опасность. Я посмотрела на Майлза.

— Стоим разговариваем. Никто никого не трогает.

Жених отвернулся. Возможно, надеялся, что наша сторона дела будет названа менее убедительно.

Мне сказали, что сотрудники уже едут. Попросили дожидаться их и пока не перемещать оставленные вещи.

Я убрала телефон в карман кофты.

— Мы подождём, — сказала я Руте.

— Я знаю.

Она повернулась к Майлзу.

— Вы тоже. Лучше там, у дорожки.

Он не двинулся.

Дженни прижала дверь автодома, оставив проход закрытым. Это было совсем маленькое движение. Но я хорошо

знала его смысл: подруга больше не собиралась раздавать наше жильё по просьбе любого человека с плохим утром.

С соседнего участка подошла Эйлин. Без чашки, но в тех же мягких сандалиях.

— Что произошло?

Рута объяснила коротко. Эйлин посмотрела на Майлза.

— Женщина сама вышла. Я видела.

— Вы видели, как она туда попала?

— Нет.

— Вот именно.

Эйлин помолчала.

— Я сказала, что видела, как она вышла. Другого не сказала.

Мне захотелось пожать ей руку. Но в данном положении любое лишнее движение могло стать объяснением, что я подкупаю свидетелей прикосновениями.

Рута сказала, что запись у калитки тоже есть. Майлз быстро посмотрел на неё.

— И куда она пошла?

— За ворота. Дальше камера не показывает.

— Значит, вы еёпустили.

Рута медленно вынула карандаш из-за уха. Посмотрела на него, вставила обратно.

— Я пришла к семи. Она ушла раньше. Здесь не тюрьма. Майлз сжал губы.

Я впервые внимательно рассмотрела его лицо. Красивое,

уставшее, глаза покрасневшие. На щеке маленькая царапина от бритья. Он, наверное, не спал или спал очень мало. Я могла бы посочувствовать, если бы он не пытался перевести своё недосыпание на мой счёт.

— Она оставила кольцо, — сказала я.

Дженни повернула голову.

Майлз посмотрел прямо на меня.

— Где?

— Внутри. И платье. И сумка, которую принесла. Мы ничего не забирали.

Он сразу шагнул к двери.

Рута подняла ладонь.

— Нет.

— Это её кольцо. Я могу...

— Когда приедут сотрудники, разберётесь.

Я поняла, что зря поспешила. Хотела сообщить факт, а вышло приглашение. В жизни мне часто мешала именно эта разница.

— Вы сами это видели? — спросил Майлз.

— Кольцо — да. Вчера было на её руке. Утром осталось в мешочке.

— А сумку открывали?

— Нет.

Он посмотрел на подругу.

— И вы?

— Я не собираюсь отвечать вам отдельно на каждый во-

прос, — сказала Дженни. — Дождёмся полиции.

Мы стояли возле автодома, а кемпинг вокруг нас продолжал завтракать. Люди старались не смотреть слишком явно, от чего смотрели ещё заметнее. Мужчина за столиком не поднимал голову, но держал чашку возле рта так долго, что кофе должен был остыть даже в его руках.

В дверном проёме на полу лежала моя сандалия. Я сняла её вчера, чтобы не оставить песок в проходе, потом убрала вторую под сиденье, а эту забыла. Теперь она выглядела как отдельная улика, свидетельствующая, что я вообще не могу управлять собой без организованного наблюдения.

Я протянула руку через узкую щель, втянула сандалию внутрь носком.

Майлз заметил движение.

— Что вы убираете?

Я посмотрела на него.

— Обувь.

— Покажите.

— Нет.

Рута выдохнула.

Эйлин спросила, нужно ли нам что-нибудь. Дженни сказала, что всё есть. Я хотела сказать «кроме одежды», но решила сохранить остаток достоинства.

Через некоторое время возле въезда остановилась полицейская машина. Рута пошла встречать сотрудников. Майлз сразу двинулся следом, начал говорить ещё прежде, чем они

дошли до нашего ряда.

Я посмотрела на подругу.

— Мы же собирались завтракать.

— Ещё соберёмся.

— Я уже дважды держала хлеб. Это вызывает привязанность.

Она не улыбнулась. Я поняла, что шутка пока пришлась не к месту, и замолчала.

К нам подошли женщина в форме и мужчина с небольшой папкой. Женщина была лет сорока, с тёмными волосами, убранными так аккуратно, что ветер не получил ни одного свободного участка. На лице было выражение человека, которого с утра уже несколько раз заставили выслушать начало истории, не дождавшись её конца.

— Сержант Айрис Коул, — представилась она. — Кто здесь Стоун и Честерфилд?

Мы назвались.

Майлз начал отвечать вместо нас.

— Это они. Она была здесь, и...

Коул повернулась к нему.

— Ваше заявление я услышала. Сейчас поговорю с ними.

Он замолчал. Впервые по чужой просьбе, которую я могла признать успешной.

Сержант спросила, можем ли мы показать документы. Мы принесли личные сумки. Она сверила имена, записала контакты, уточнила, наш ли автодом.

— Арендованный, — сказала Дженни.

— Договор с собой?

Подруга достала папку. Я порадовалась, что вчера поставила её на видное место, а не убрала из раздражения под кровать.

Коул посмотрела, вернула.

— Когда познакомились с Вивьен Мерсер?

Так я узнала фамилию нашей гостьи. Оказалось, для плохих решений одного имени всегда достаточно, а полное приходится выяснять после.

— Вчера вечером, — ответила Дженни. — Она стояла возле нашего участка, когда мы вернулись с прогулки.

— Во сколько?

Мы посмотрели друг на друга.

Я вспомнила время, когда вышли к воде. Половину маршрута, скамейку, музыку, мужчину с полотенцем возле душевых.

— Мы ушли примерно в четверть девятого. Вернулись... около девяти. Точнее не скажу.

Коул записала.

— Что она попросила?

— Сначала посидеть и воды, — сказала я. — Потом мы предложили переодеться. На ней было свадебное платье, с землёй на подоле. У неё не было другой одежды.

— Она сказала, почему ушла со свадьбы?

— Не хотела выходить замуж. Узнала что-то о женихе. По-

дробностей нам не рассказала.

— Это ваши слова или её?

Я остановилась.

— Про то, что узнала, — её. Про нежелание выйти замуж — сказала, что ушла до церемонии и не хочет возвращаться. Так я поняла.

Сержант кивнула, чуть поправила запись.

Майлз стоял в нескольких шагах. Я чувствовала его присутствие так, как чувствуют работающий холодильник ночью: вроде бы не мешает, но не перестаёшь слышать.

— Она просила укрыть её? — спросила Коул.

— Нет, — ответила Дженни. — Мы зарегистрировали ночёвку у Руты. Она ходила со мной, сама дала документы, сама потом вернула доплату.

Коул посмотрела на хозяйку. Та подтвердила.

— Просила куда-нибудь отвезти?

— Дальше с нами, — сказала я. — Мы отказали. Объяснили, что утром можно решить, как ей уехать. Ночью машину не двигали.

Сержант посмотрела на колёса, на подключённый кабель и две сложенные ножки стула возле нашей двери. Видимо, убедиться, что мы вообще знаем, как отсюда тронуться.

— Когда видели её в последний раз?

Я рассказала про подготовку ко сну, зарядку, поздний разговор. Не повторяла то, чего не разобрала. Коул уточнила, кому звонила Вивьен. Я сказала, что не знаю. Она спросила,

видели ли мы имя на экране.

— Не читала.

— Но экран видели?

— Он загорелся, я отвернулась. Прочесть не успела.

Мне было неприятно, что порядочность сейчас выглядит бесполезной. Если бы я вошла носом в чужой телефон, смогла бы сообщить хоть что-то. Но очень не хотелось делать из этого новую рекомендацию на будущее.

— Утром? — спросила Коул.

Я рассказала про семь сорок, пустую кровать, пропавшую сумку, оставленные вещи и Эйлин. Сержант повернулась к соседке, та повторила свой рассказ. Мужчина в форме записывал её слова отдельно.

— Вы можете описать сумку? — спросил он у меня.

Я описала. Длинная, мягкая, тёмная. Два коротких ремня и один длинный, маленькая светлая нашивка на торце. Купили ещё до поездки. Внутри одежда двух женщин, несколько тканевых упаковок.

Дженни добавила, что одна молния немного заедает на повороте. Я посмотрела на неё. Оказывается, мы действительно хорошо знали своё имущество. Только помогать ему оставаться с нами умели хуже.

— Другая сумка, оставленная гостьей, отличается? — уточнила Коул.

— Да. Меньше, широкая, светлая. Там коробки.

— Можете показать?

Дженни отступила от двери.

— Да. Мы их не открывали.

— Я начну с того, что есть сейчас. Потом ещё раз посмотрим запись и поговорим по отдельности, если понадобится.

Майлз шагнул ближе.

— Я могу опознать вещи.

Коул повернула голову.

— Вы подождёте снаружи.

— Но...

— Подождёте.

Она произнесла это очень ровно. Я поняла, почему мои собственные попытки звучали хуже: мне каждый раз хотелось добавить объяснение, чем я заслужила право на свою дверь.

Мы вошли внутрь. Коул остановилась в проходе. Взглянула на переднюю кровать, на полку с платьем, на столик кухни. Я вдруг увидела нашу машину её глазами: теснота, хлеб, чужое кольцо, несколько кружек. Всё как будто могло подтверждать любую историю, если переставить начало.

— Пожалуйста, не наступите на сандалию, — сказала я.

Сержант опустила глаза.

— Спасибо.

Она обошла. Без происшествия. Я по-прежнему была единственным человеком здесь, которому для этого требовались дополнительные способности.

Коул попросила показать, где спала гостя и где находи-

лась наша сумка. Мы показали. Она осмотрела открытый отсек под кроватью, узкий шкаф с личными вещами, переднее сиденье.

— Вы её запирали?

— Нет. Только обычная дверь на ночь. Изнутри открывается, мы показали как.

— Ключи от машины где были?

Дженни достала связку из своей маленькой сумки.

— Здесь. С нами. Она не могла уехать на машине.

— А выйти могла.

— Да.

Коул ничего не сказала о том, правильно ли мы поступили. Это было приятно. Утро и без того накопило достаточно людей, которые знали, как нам следовало жить вчера.

Я заметила, что плечи подруги немного опустились. Не от облегчения — от усталости держать их так высоко.

Сержант достала маленький блокнот, посмотрела на кольцо, потом на подарочный багаж.

— Вот эти вещи пока никому не отдавайте. Я оформлю, что здесь находится и от кого мы это получили.

Я кивнула слишком быстро.

Залог по автодому вдруг снова показался проблемой, которую можно решать деньгами.

Коул попросила меня отойти от кухонного столика. Я отступила и сразу упёрлась поясницей в край передней кровати. Подруга передвинулась к двери. Теперь у нас было две

женщины с вещами и одна сержант с блокнотом, которым предстояло выяснить, можно ли в шести метрах делать всё это одновременно.

— Мы можем вынести столик, — предложила Дженни.

— Пока оставим здесь, — сказала Коул. — Чтобы не перемещать туда-сюда.

Она записала мешочек с кольцом, посмотрела на него внимательно, положила обратно. Маленький предмет как-то совершенно неприлично превосходил нас по способности стоять на месте.

Потом Коул наклонилась к подарочной сумке. Перед тем как вытащить, спросила, где именно мы её видели вечером. Я показала на пол возле стола, потом на место под сиденьем. Дженни подтвердила, что Вивьен переставила её сама.

— Она называла содержимое?

— Подарки, — ответила я. — Несколько подарков, которые передали до церемонии.

— От кого?

— Не сказала.

Сержант раскрыла верх, посмотрела, вынула первую коробку. Синяя бумага отогнулась на углу. Коул повернула упаковку так, чтобы рассмотреть наклейку. На ней от руки было написано: «Вивьен и Майлзу. Эндрю и Хелен».

Она прочла и записала.

— Вы знакомы с этими людьми?

— Нет, — сказала Дженни.

Я тоже покачала головой.

Коул приподняла крышку внутреннего футляра. Внутри лежали небольшие настольные часы. Тёмный деревянный корпус, светлый циферблат в металлической рамке, короткие ножки. Я не могла бы определить, сколько им лет и сколько они стоят. Только то, что это часы для людей, у которых дома достаточно свободных поверхностей.

— Слышали, что они старинные? — спросила Коул.

— Мы их сейчас впервые видим.

Она кивнула. Посмотрела на маленькую карточку, лежавшую внутри, закрыла футляр. Я успела заметить название магазина, но не прочесть полностью. Часы ещё не стали интереснее пропавших брюк.

Во второй, узкой бордовой коробке оказались серьги с жемчужинами. Вивьен вчера не была в этих. На ней висели другие, с маленькими камнями. Я сказала об этом, Коул записала, что у неё с собой могли быть ещё личные украшения.

В плоской светлой коробке лежали две серебристые запонки. На обороте одной сержант рассмотрела буквы. Не наши.

Я подумала, что, если у мужчины нет запонок в первые часы после отменённой свадьбы, жизнь всё равно не обязана становиться настолько громкой.

Платье оказалось самым сложным пунктом. Коул посмотрела на полку, потом на нас.

— Доставать обязательно? — спросила я.

— Нужно осмотреть.

Мы с Дженни подняли свёрток. Подол остался внутри простыни, но рукав выскользнул. Я перехватила его и почувствовала, как ткань цепляется за браслет.

— Секунду.

Подруга остановилась.

Я подняла руку. Рукав поднялся вместе с ней.

Коул молча смотрела.

— Это не значит, что я его носила, — сказала я.

— Я такого не спрашивала.

— Хорошо.

Дженни осторожно освободила застёжку. Мы положили платье на переднюю кровать. Коул осмотрела верх, застёжку, низ. Взяла свой телефон, сфотографировала. Земля по-прежнему находилась внутри завёрнутого края, только несколько сухих крошек осыпались на простыню.

— Вот эти бусины тоже от него, — сказала я и показала на полку.

Их оказалось пять. Я могла поклясться, что вечером собирала именно столько. В обычный день я бы не запомнила. Сейчас каждое мелкое знание хотелось превратить в полезное.

Сержант посмотрела.

— Почему лежат отдельно?

Я рассказала про куст и молнию. Дженни показала место, где заело подкладку.

— Мы не рвали. Только освободили.

— Вижу.

Я взяла пустой пакет, но Коул попросила пока не складывать в него ничего самой. Мужчина в форме подошёл к двери, принёс несколько пакетов побольше. Для платья даже самый большой выглядел недостаточным.

— Можно оставить на простыне? — спросила Дженни. — Только она из проката.

Сержант посмотрела на размер свёртка.

— Это проще. Я укажу. Если нужно будет вернуть, скажете, кому она принадлежит.

— Мы скажем, — ответила я.

Она записала и простыню. Я испытала странное удовлетворение: впервые взрослый человек отнёсся к нашему белью как к вещи, которую нужно вернуть.

Пока оформляли оставленное, Коул спросила про маршрутный лист. Дженни показала, где нашли. Сержант взяла, развернула. В верхней строке опять возникли Вивьен и Майлз, которым по-прежнему обещали очень удачный медовый месяц.

— Вы уже видели это вчера?

— Она доставала бумаги, — сказала я. — Одна лежала возле кружки. Я не читала. Дженни спросила, маршрут ли это, она сказала: «Был».

Коул посмотрела на подругу. Та подтвердила.

— Утром прочли?

— Да.

— Фотографировали?

— Нет.

Сержант перевернула лист, посмотрела оборот. Там была таблица с номерами броней и контактами. Без тайного послания, насколько я могла определить. Внизу стояло название: «Восс. Свадьбы и путешествия».

— Вы имели дело с этим агентством? — спросила Коул.

— Нет. Мы сами арендовали машину, — ответила Дженни. — И стоянки тоже.

— Ваш маршрут похож?

— Частично. Это одна прибрежная дорога. Мест не так много.

Коул кивнула.

Я посмотрела на лист. Первым после «Белого мыса» был Порт-Белл. В нём мы собирались проехать по набережной, купить продукты и продолжить к небольшой стоянке на другом краю бухты. У Вивьен и Майлза там значилась гостиница «Соль и ветер». Заселение сегодня. Ещё было что-то про доставку, но сержант уже сложила лист.

— Это заберу вместе с остальным.

Дженни сказала:

— Если она нам ответит и попросит что-нибудь вернуть, кому отправлять?

Коул назвала отделение и дала карточку с номером для связи. Не свой личный телефон. Я положила её рядом с пап-

кой проката, чтобы не перепутать с аварийной службой автодома. Хотя авария у нас уже была, просто не механическая.

— И её вещи мы никому сами не отдаём? — уточнила подруга.

— Пока они будут у нас. Вы получите подтверждение передачи. Претензии по принадлежности выясним с ней и другими людьми, если потребуется.

— Спасибо, — сказала я.

Снаружи послышался голос Майлза. Он разговаривал с кем-то по телефону.

— Да, нашли. Нет, её здесь уже нет. Они говорят...

Дальше он отошёл, слов я не слышала. Поймала себя на желании выглянуть. Но стояла возле передней кровати, и под моей ногой опять лежал рукав. Я шагнула через него, придержала пакет, который Коул раскрыла для коробок.

Кольцо, часы, серьги и запонки больше не находились в доме бесконтрольно. Сержант всё перечислила. Показала нам запись, уточнила, можем ли мы подтвердить только то, что действительно нашли.

Мы могли.

Дженни прочитала внимательно. Я тоже. Принесли ночью нераскрытые коробки, утром обнаружили на месте, открыты при осмотре. Кольцо отдельно. Платье и пять бусин. Маршрутный лист. Светлая сумка.

Моей пропавшей тёмной сумки здесь пока не было. Она получила отдельное описание.

Когда дошло до перечня нашей одежды, я вдруг поняла, что не помню, сколько взяла белья. Дома считала. Здесь, возле человека в форме, число стало необъяснимо постыдным.

— Примерно можно, если не уверены, — сказала Коул.

Дженни назвала своё. Очень спокойно. По видам вещей, без рассказа, когда и зачем купила. Я последовала её примеру и не стала объяснять, почему у меня три пары лишних носков.

Сержант спросила, какие вещи мы дали Вивьен добровольно.

Я сказала про футболку и брюки. Дженни — про носки.

— Вы подарили их?

Мы обе посмотрели на неё.

— Дали переодеться, — ответила подруга. — На ночь.

Коул уточнила формулировку.

— Я не говорила, что может оставить, — сказала я. — Но не могу сказать, что взяла с неё расписку за брюки.

— Расписку я не спрашиваю. Мне нужно понять, что вы ей разрешили.

Я кивнула.

Раньше мне казалось, что в плохой истории главное — объяснить общую несправедливость. Теперь выяснялось, что иногда важнее отделить два выданных носка от сумки, которую никто не разрешал брать.

Мужчина в форме помог вынести платье. Я пошла следом, потому что одна полоска белой ткани никак не хотела оста-

ваться в свёртке. Дженни придержала дверь. На ступеньке я поскользнулась не ногой, а надеждой всё сделать незаметно: край простыни попал мне между колен.

— Подождите.

Мы остановились.

Я высвободила ткань.

Майлз резко повернулся.

— Осторожнее! Это дорогое платье.

Я посмотрела на него из-за большого белого кома.

— Тогда оно вам точно понравится больше, когда мы поставим.

Коул показала на свободный участок стола возле домика. Мы донесли. Платье осталось завёрнутым. Пока я отходила, Майлз сделал шаг к пакетам с коробками.

— Часы от Фордов. Я говорил, что их нет.

Сержант остановила его голосом.

— Сейчас посмотрите отсюда. Не трогайте.

Он увидел наклейку, кивнул.

— Да. И запонки. Это мои.

— Кто передал?

— Гости. То есть... организаторы приняли, потом Вивьен взяла часть. Там было гораздо больше.

Коул попросила перечислить, что именно он считает пропавшим.

Майлз открыл записку в телефоне. Начал читать. Серебряный чайный комплект, пара больших подсвечников,

брошь, часы, ещё два украшения, коробка с подарочными картами.

Я посмотрела на светлую сумку. Даже моей координации хватало, чтобы понять: большие подсвечники туда бы не влезли вместе с чайным комплектом.

Коул спросила, видел ли он Вивьен с этими вещами.

— Она их получала.

— Лично?

— Они всё получали через комнату для подарков.

— Кто — они?

Майлз остановился.

— Вивьен и организаторы.

— Давайте по каждому предмету. Что вы видели сами?

Он отложил телефон чуть ниже.

Я впервые увидела, как его уверенность начала терять размеры. Не исчезла. Просто больше не закрывала собой весь участок.

— Часть я видел вчера утром, — сказал он. — Потом не успел проверить. У нас была свадьба.

— Вы сообщали о пропаже до того, как узнали, что она ушла?

— Нет.

Коул записала.

— И заявление о похищении. Почему вы решили, что её похитили?

Майлз посмотрел на нас. Потом на Руту.

— Она никогда бы не ушла вот так.

Я не сказала ничего. По-моему, это предложение требовало, чтобы его обладатель сначала пожил хотя бы день после вчерашнего.

— Были требования, сообщения от посторонних? — спросила Коул.

— Нет. Но она перестала отвечать.

— Кому?

— Мне. Матери. Людям, которые приехали...

Он замолчал.

Сержант спросила, кому Вивьен всё-таки написала. Майлз ответил не сразу, потом признал: мать получила сообщение вечером. Он его не видел, мать пересказала, что дочь в безопасности.

— И сегодня утром?

— Не знаю.

Коул попросила номер матери. Он дал. Она отошла звонить. Её коллега спросил Майлза, как он нашёл кемпинг.

— Сотрудник усадьбы видел женщину в белом у дороги. Потом здесь вчера кто-то заметил её возле машины. Я объехал две стоянки. Здесь хозяйка сказала, что такая гостья была.

Рута уточнила:

— Вы описали платье и показали фотографию. Я сказала, что она сама пришла ночевать. Про похищение вы объявили уже возле участка.

Майлз отвёл глаза.

Я поняла, что наша машина никого специально не привлекла. Нам не передали невесту с поручением испортить отпуск. Она дошла до ближайшего освещённого места, а он утром перебрал ближайшие стоянки. От этого не стало приятнее, но хотя бы перестало казаться, будто над нами заранее работала группа людей.

Коул вернулась через несколько минут. Попросила Руту показать запись полностью, не только отдельный момент у калитки. Нас позвала вместе с собой, но Майлза попросила остаться с её коллегой.

— Я хочу увидеть, куда она пошла.

— Потом обсудим, что можно вам показать.

Он хотел спорить, но сержант уже повернулась к домику.

Я пошла рядом с Дженни. Подруга обхватила себя руками, хотя холодно не было. Я тронула её локоть.

— Ты как?

— Пока держусь.

— Я тоже.

Мы вошли в контору. На экране был вход в кемпинг, шлагбаум и пешеходная калитка. Рута передвинула запись к вчерашнему вечеру. Кадр перескочил, снова заработал.

Вивьен вошла со стороны дорожки. Сама. Белое платье поднимала одной рукой, сумку тащила другой, маленькая висела на плече. У калитки остановилась, посмотрела назад. Внутри кадра никто к ней не подходил. Потом она двинулась

вглубь территории.

Я не увидела там ни себя, ни Дженни. Мы в это время ещё сидели на скамейке возле воды.

Коул спросила, совпадает ли время с нашим рассказом. Мы сказали, что примерно да. Точно мы не смотрели. Рута показала следующий отрезок: Дженни и Вивьен шли к домику, говорили у окна, потом вместе уходили.

Подруга стояла спокойно. Вивьен доставала кошелёк.

— Это оформление? — уточнила сержант.

Рута кивнула, показала регистрационный лист. Под ним лежала ещё одна страница с нашими именами и номером участка.

Коул не стала говорить, что теперь всё понятно. Записала, попросила сохранить запись и передать её сотрудникам.

Потом Рута включила утро.

Вивьен появилась в кадре в шесть двенадцать. На ней была моя футболка, мои брюки и лёгкая кофта, которую я узнала не сразу. Дженни узнала сразу.

— Это моя.

Коул посмотрела на неё.

— Была в сумке?

— Да. Не вчерашний свитер. Другая.

Вивьен несла нашу тёмную сумку на длинном ремне. Она оттягивала плечо. Невеста остановилась, поменяла хватку, поправила короткую ручку и открыла калитку. На секунду её лицо оказалось ближе к камере. Усталое, сосредоточенное.

Потом она вышла.

Никто не шёл рядом. За калиткой она повернула налево и исчезла из кадра.

— Автобусная остановка в той стороне, — сказала Рута.
— Но есть ещё дорожка к посёлку. Камера туда не смотрит.
— Сумку можете опознать? — спросила Коул.

Мы обе могли.

Я показала на светлую нашивку. Дженни на форму ремня. Вивьен уносила нашу одежду с таким деловым видом, будто получила её по накладной.

Подруга отвернулась от экрана.

— Не перепутала, — сказала она.

— Нет, — ответила я.

Сержант записала наши слова.

— В кадре она выходит сама, — сказала Коул. — Вчера тоже приходит сама. Это важно. Но мне нужно проверить всё, что заявлено, включая вещи и её контакт с семьёй.

Я кивнула. Хотелось немедленно спросить, значит ли это, что нам можно перестать быть похитительницами. Но не хотелось услышать ответ, который окажется сложнее вопроса.

Коул сказала, что мать Вивьен получила ещё одно сообщение утром. Дочь написала, что уезжает самостоятельно и пока не будет обсуждать свадьбу. Больше подробностей сержант нам не передала. Попросила переслать наше сообщение с просьбой вернуть одежду и дать знать, если Вивьен выйдет на связь.

— Мы можем ехать? — спросила Дженни.

Коул посмотрела на нас обеих.

— Сейчас закончим объяснения. На данный момент я не вижу оснований держать вас здесь из-за того, что совершеннолетняя женщина ушла со свадьбы и переночевала добровольно. Но проверка вещей продолжится. Телефоны должны быть доступны. Если будет нужно уточнение, свяжемся.

Я наконец выдохнула.

Оказалось, за последние полчаса я много раз вдыхала, но ни разу не закончила как следует.

Вернувшись к автодому, я заметила, что наш хлеб ещё лежит на кухонном столике. Он уже не был тёплым. За это время даже выпечка успела пройти часть утра, а мы — только его неприятную половину.

Коул дала нам прочесть записанные объяснения. Дженни села на водительское кресло, я на ступеньку. Мы читали по очереди, уточнили время возвращения с пляжа как приблизительное. Сержант не торопила, хотя возле неё стоял Майлз и смотрел на экран телефона так, словно там должна была появиться окончательная победа.

В моей записи были и брюки, выданные добровольно, и сумка, которую никто не отдавал. Я исправила описание нашивки: не белая, светло-серая. При хорошем солнце казалась белой. Не такая важная деталь, чтобы спорить ради неё на улице, но я всё равно сказала.

Коул поправила.

— Всё верно?

— Теперь да.

Я подтвердила объяснение. Получила номер обращения и бумагу о переданных вещах. Посмотрела на перечень ещё раз. Впервые в жизни количество чужого имущества возле меня уменьшилось именно благодаря документу, который я подписала.

Дженни попросила копию маршрутного листа.

— Чтобы знать, о каком месте речь, если она ответит. И там гостиница в городе, где мы сегодня будем.

Коул спросила, собираемся ли мы искать Вивьен.

Подруга посмотрела на меня.

— Мы хотим вернуть одежду, — сказала я. — Если она будет рядом и согласится встретиться. Мы не собираемся за-
талкивать её обратно в платье и везти на свадьбу.

Сержант некоторое время смотрела на нас.

— Если выйдет на связь, сначала сообщите нам. Не спорьте с ней из-за оставленных предметов. Они теперь у нас, это ей можно сказать. И не обещайте за других людей, что претензий нет.

— Мы обещаем только за свои брюки, — ответила я.

— Даже с брюками лучше без спешки.

Она дала Дженни сфотографировать маршрут с обеих сторон. Оригинал остался у неё. Копию подруга убрала в отдельную папку на телефоне, затем переслала мне. Я не стала открывать немедленно: в этот момент я всё ещё сидела на

ступеньке и удерживала ногой край дверцы, чтобы ветер не захлопнул её за нашими спинами.

Майлз подошёл к сержанту. Спросил, отдаст ли она ему кольцо и запонки.

— Сейчас нет.

— Кольцо купил я.

— Я слышала. Нужно связаться с ней и оформить принадлежность остальных предметов. Вы дадите свои объяснения отдельно.

Он посмотрел на нас.

— Они уедут, а я останусь?

Коул ответила:

— Вы можете пройти с моим коллегой и закончить разговор у входа. Потом обсудим, что ещё нужно.

Майлз не двинулся сразу.

— Вивьен не такая, — сказал он нам.

Я посмотрела на тёмное пятно на его воротнике. Потом на лицо.

— Мы знакомы с ней меньше суток. Но сумку из нашей машины вынесла она.

— Вы её не понимаете.

— Вполне возможно. От этого бельё не становится общим.

Дженни повернулась ко мне. Я увидела в её лице что-то похожее на благодарность и раздражение одновременно: благодарность за смысл, раздражение за последнее слово.

Майлз вздохнул, как будто мы снизили качество происходящего, и отошёл к мужчине в форме.

Я проводила его взглядом.

Рута подошла, протянула пакет с хлебом, который подняла с края столика внутри по моей просьбе. Я взяла. Хозяйка посмотрела на меня.

— Поесть теперь успеете.

— Да. Пока никто не заявил, что хлеб тоже его.

Она усмехнулась.

— Один мужчина сегодня уже спросил, почему в его пакете нет того, что он не заказывал. Но этого сюда не приво-
дила.

— Спасибо вам за выбор.

Коул сказала, что оставленные вещи забирают, поблагодарила Руту и Эйлин за помощь. Мы видели, как пакеты погрузили в машину. Платье заняло больше места, чем всё остальное. Мужчина в форме прижал свёрток ладонью, закрыл дверь со второй попытки.

Майлз стоял рядом со своим автомобилем, продолжая говорить по телефону. Отсюда я уже не разбирала слов. Он ни разу не посмотрел на белую ткань, исчезавшую в багажном отделении. Мне почему-то показалось, что вчера он гораздо больше любил платье, чем женщину, которая должна была в нём стоять.

Я могла ошибаться. После плохого утра особенно хочется правильно разобрать чужую жизнь, чтобы хотя бы в ней об-

наружился порядок.

Сержант подошла к нам последний раз.

— Если вам напишут от имени агентства или семьи, не нужно передавать через них оставленные вещи. Направляйте ко мне. И связь держите.

Дженни кивнула.

— Мой телефон включён.

— Мой тоже, — сказала я.

Коул уехала. Майлз ещё постоял у въезда, потом сел в свой автомобиль. Рута вернулась к домику, Эйлин к растению, а мы наконец оказались перед собственной дверью без человека, которому требовалось что-нибудь объяснить.

Я посмотрела на Дженни.

— Есть будем?

— Да.

Она вошла первой. Я за ней.

Внутри вдруг стало пусто. Не только потому, что забрали платье и сумку. Передняя кровать оставалась разложенной, но на ней никто не сидел. На полке не было бусин, на кухонном столике — кольца. Можно было поставить хлеб, не сравнивая его законность с соседним предметом.

Я положила пакет.

Подруга стояла возле задней кровати, глядя на пустой отсек.

— Вся сумка, — сказала она.

— Да.

— Она видела, что там не только твои вещи.

Я не ответила. Вивьен действительно могла видеть. Вечером Дженни доставала носки, утром сумка была застёгнута уже иначе. Но я не знала, сколько именно наша гостья посмотрела и в какой момент решила воспользоваться этим знанием.

— Не хочу слушать, что ей было трудно, — сказала Дженни.

— Я и не говорю.

— Знаю. Просто если она ответит...

Подруга сжала ладонь, отпустила.

— Я хочу, чтобы она вернула. Всё. Не рассказывала полчаса, как мы должны её пожалеть.

Я подошла ближе.

— Я тоже.

Она повернулась.

— Ты же не собираешься сказать, что я виновата?

Вопрос меня удивил. Потом перестал.

— Нет.

— Ты спрашивала про ночёвку. Я первая предложила.

— Я первая выдала брюки. У нас обеих есть участие в снабжении.

Дженни отвела глаза.

Я продолжила уже без улыбки:

— Ты не предлагала ей воровать. Я тоже. Давай не будем занимать её место в этой части истории.

Подруга некоторое время смотрела на меня. Потом кивнула.

— Хорошо.

Мне хотелось добавить ещё что-нибудь, убедительное и доброе. Но подруга повернулась к чайнику, и я решила, что для утреннего разговора это гораздо полезнее.

Мы подняли стол обратно. Вдвоём, со второй попытки, без ноги под опорой. Я свернула одеяло, убрала подушку. Дженни протёрла поверхность. На этот раз помещение удалось вернуть к обычной форме быстрее, чем наше настроение.

Я нарезала хлеб. Подруга достала сыр, воду, две кружки. Еды осталось достаточно. Вивьен не унесла холодильник, документы и способность кипятить воду. Я старалась думать об этом как о хороших обстоятельствах, но получалось только после первого кусочка.

— Который час? — спросила я.

Дженни посмотрела.

— Без двадцати одиннадцать.

— Мы уже почти отдохнули всю ночь.

Она откусила хлеб.

Мы ели молча. Не напряжённо, просто наконец можно было заняться ртом без объяснений. За окном кто-то проводил друзей у машины. Они обнимались, смеялись, передавали контейнер. Я смотрела и чувствовала лёгкую зависть: у людей вещи переходили из рук в руки так, как они догово-

рились.

Дженни взяла телефон. Там было два сообщения от Мары. Не срочных. Подруга открыла, прочитала, ответила.

— Что?

— Про цену набора. В программе одна, на полке другая. Старая наклейка.

— Всё поправила?

— Уже. Она прислала фото, я подтвердила.

Подруга положила телефон экраном вниз.

— Не буду ей рассказывать пока.

— Как хочешь.

— Она первый раз одна в магазине. Не хочу, чтобы думала, будто теперь ей нужно ещё и спасти хозяйку.

— Она может прислать пакет с надписью «Основы уверенного обращения».

Дженни впервые за утро улыбнулась.

Я взяла себе ещё хлеба.

После завтрака мы провели осмотр того, что осталось. Не торжественную ревизию. Просто вытаскивали из шкафов вещи и клали на кровать. У подруги — дорожные брюки, свитер, пижама, две пары обуви, полотенца и тонкая кофта, которую вчера она оставила возле стола. У меня — домашняя футболка, та, в которой приехала, брюки, кофта, сандалии, туфли и один носок.

Второй носок нашёлся под задним сиденьем.

Я подняла его, показала Дженни.

— Уже возвращаем имущество.

— Поздравляю.

— Можно начать отсчёт от этого.

Она покачала головой, но улыбка осталась.

Принадлежности для душа и косметика находились в отдельной маленькой коробке. Вивьен их не тронула. Аптечка тоже. Папин фонарь висел возле двери. Продукты, кружки, книги, кабель, инструкция. Наш дом теперь почти не имел гардероба, зато сохранил все технические предпосылки для дальнейшего существования.

— Нужно купить самое необходимое, — сказала Дженни.

— Не всё заново.

— И сумку.

— Лучше две маленькие.

Я посмотрела на пустое место.

— Да.

Это решение не требовало философии. Если в будущем кто-нибудь унесёт мои носки, мне хотелось, чтобы хотя бы Дженни оставалось в чём ехать.

Мы составили короткий список. Бельё, по две футболки, что-нибудь лёгкое на вечер, купальник, носки. Брюки у нас были. Пижамы тоже. Не нужно было превращать кражу в основание купить половину города.

Подруга открыла карту. В посёлке возле кемпинга имелись небольшой универсальный магазин и лавка с пляжными товарами. До них можно было дойти пешком. На машине

ехать между узкими улицами не хотелось ни мне, ни ей.

— Рута разрешит пока оставить? — спросила я.

— Спросим.

Мы вышли. Хозяйка уже занималась обычными делами у входа. Рядом с ней мужчина разбирался, какую упаковку воды купить. Она показала цену за бутылку, цену за целый блок. Он задумался так глубоко, что на мгновение его положение показалось труднее нашего.

Рута повернулась к нам.

— Уезжаете?

— Нужно купить одежду. Можно машину оставить до часа? — спросила Дженни.

— До двух можете. Следующие гости на это место приедут позже. Только не забудьте сказать, когда двинетесь.

— Сколько доплатить?

— За сегодня не надо. Вы и так на половину утра оказались в моей конторе.

Мы поблагодарили.

Я спросила про прачечную. Рута сказала, что можно быстро постирать дорожные вещи, но если хотим выехать до обеда, лучше не рассчитывать на идеальную сушку. Я подумала, что пока проще носить их второй день и не превращать каждую вещь в обязательство.

Подруга уточнила направление к магазинам.

Рута показала на пешеходную калитку.

— Туда, потом по улице вверх. Автобусная остановка ря-

дом. Вивьен могла уйти от неё, если пошла налево.

Я посмотрела на узкий выход. Шесть часов назад по нему прошла наша одежда.

— Там есть расписание? — спросила Дженни.

— На стекле. Но автобус не обязан объяснять, кого повёз.

— Мы просто посмотрим.

Рута кивнула.

— И пакеты берите прочные. В универсальном выдают бумажные, потом люди приносят сюда покупки по одной.

Я взяла две сумки для продуктов из своего автодома. Это были последние вещи, которые ещё могли изображать наш багаж.

Перед выходом подруга отправила Вивьен ещё одно сообщение. Не длинное. Сказала, что платье, подарочная сумка и кольцо переданы полиции, дала контакт с карточки Коул. Попросила вернуть одежду или назвать место, откуда её можно забрать.

Сообщение ушло.

Мы ждали, пока Дженни выключит экран.

Она выключила.

— Идём, — сказала я.

Возле калитки подруга вдруг остановилась.

Я тоже.

— Что?

— Ничего. Просто странно.

Я посмотрела вперёд. Улица, несколько зданий, автобус-

ная остановка, дерево, под которым стоял велосипед. Всё вполне обыкновенное. Вчера с этой стороны могла прийти несчастная женщина. Сегодня по той же дорожке мы шли покупать бельё, потому что она оказалась ещё и очень практичной.

— Да, — сказала я.

Мы вышли и повернули вверх, к магазину.

На остановке висело расписание. Под прозрачным пластиком, который потемнел от солнца, были два столбца: будни и выходные. Дженни нашла утренний рейс в сторону Порт-Белла.

— Шесть двадцать пять.

Я посмотрела на расстояние от калитки до остановки. Пешком несколько минут. С сумкой — чуть больше.

— Успевала, — сказала я.

— Да.

— Но это не значит, что села.

Подруга кивнула. Она уже начала фотографировать расписание, потом остановилась и всё-таки сняла. Не Вивьен, не автобус, не доказательство преступления. Просто время, которое могло пригодиться.

Рядом стояла пожилая женщина с тележкой. На дне её лежала одна маленькая коробка с продуктами. Женщина посмотрела на нас.

— В Порт-Белл следующий в двенадцать десять. Если не отменили.

— Мы не ждём, — сказала Дженни.

— Тогда хорошо. Когда не ждёшь, он обычно приходит. Женщина поправила шляпу и отошла в тень.

Я подумала, что могла бы купить такую мудрость вместо своей вчерашней шляпы. По крайней мере, её удобно носить в голове.

Универсальный магазин оказался не очень универсальным. В нём продавались кастрюли, мыло, детские ведёрки, дорожные подушки и одежда, которую выбирали так, словно турист может исчезнуть в ней прежде, чем успеет пожаловаться.

У входа висели яркие платья. Одно было жёлтым с огромными синими цветами. Я смотрела на него дольше, чем стояло.

— Не надо, — сказала Дженни.

— Я ещё ничего не трогала.

— Ты уже выбираешь, как в нём выглядеть несчастной.

— Мне подходит цвет.

— Который из двух?

Я не знала. Мы вошли.

За прилавком стояла женщина с короткими рыжеватыми волосами и очками на цепочке. Она складывала простыни. Увидела наши пустые сумки для продуктов, посмотрела на них, затем на нас.

— За пляжным?

Дженни сказала, что нам нужны простые вещи на несколь-

ко дней.

— В основном бельё и футболки, — добавила я.

— Купальники тоже есть. Размеры не все.

— Нам не обязательно одинаковые, — сказала подруга.

Женщина кивнула.

— Меня зовут Одетта. Если что-то не можете найти, спросите. Примерочная за стеллажом. Там шторка, придерживайте, окно открыто.

Я запомнила последнее лучше всего.

Мы разошлись вдоль небольших рядов. Дженни взяла две обычные футболки, проверила швы, размер и цену. Я нашла одну белую. Посмотрела на неё и решила, что сегодня мне лучше купить вещь, на которой происшествие не будет заметно с первого взгляда.

Взяла синюю.

Носки лежали в большой корзине. На упаковках были написаны размеры, но сама корзина убедительно показывала, что цифры придумали только для обёрток. Я сравнила две пары. Одна выглядела так, будто в неё поместится моя нога вместе с хорошим другом.

— Эти после стирки меньше, — сказала Одетта издалека.

— Намного?

— Как повезёт.

Я положила их обратно.

Купальники висели ближе к примерочной. Несколько ярких, несколько тёмных. У одного сбоку был тонкий ремешок

с металлическим украшением. После утра с чужим кольцом я хотела отдыха от металла. Выбрала простой.

Дженни уже стояла с небольшим набором.

— Давай по очереди.

Я пропустила её первой. Она зашла, задвинула шторку, выглянула.

— Не уходи далеко.

— Буду сторожить ткань.

Подруга закрылась. Я остановилась у стеллажа. На нём лежали упаковки мужских плавок, детские шапочки и какие-то длинные белые мешки, оказавшиеся чехлами для гладильных досок. Я взяла один край посмотреть, откуда такая длинна, и услышала:

— Пэм.

— Что?

— Шторка.

Ветер подхватил ткань и отогнул половину проёма. Я быстро поймала край.

Дженни стояла внутри в майке, стараясь удержать на себе примеряемую вещь и своё выражение лица.

— Здесь нельзя закрыть окно?

Я посмотрела на маленькое окошко высоко под потолком. До него можно было добраться, если заранее договориться с ростом.

— Могу спросить.

— Просто держи.

Я держала.

Мимо прошёл мужчина, выбирающий полотенце. Увидел меня с рукой на шторке, посмотрел на вывешенные купальники и быстро отвернулся. Это был первый человек за утро, который не потребовал показать то, что я закрывала.

Дженни примерила. Купальник оказался коротким в корпусе. Она сняла его, попросила другой размер, я передала. Со второй попытки подошёл.

Когда настала моя очередь, я зашла за шторку, повесила кофту на крючок и сразу почувствовала, что после нашего душа эта комната кажется почти просторной. Можно было поднять обе руки. Даже одновременно.

Футболка подошла. Вторая тоже. Купальник потребовал разговора.

Я натянула его и посмотрела в зеркало. Ткань держала меня так серьёзно, будто продавалась вместе с пожеланием больше не менять форму.

— Что? — спросила Дженни снаружи.

— Я ещё не знаю.

— Размер маленький?

— Моя грудь думает, что ей предложили переселение без согласия.

Подруга кашлянула. По звуку было понятно, что смеётся.

Я попыталась поправить бретельку. Она соскочила с плеча и исчезла там, где мне уже не хотелось искать рукой.

— Другой, — сказала я.

— Какой?

— Тот, где есть место для людей.

Дженни принесла следующий размер. Я переоделась, с облегчением выдохнула, посмотрела в зеркало. Стало лучше. Не идеально. Но достаточно хорошо, чтобы выйти к морю, не ожидая помощи спасателей заранее.

— Подходит? — спросила подруга.

— Да.

— Бери.

Я повесила купальник на крючок и потянулась за своей футболкой. Вместе с ней соскользнула кофта, с ней пакет носков. Носки упали на пол. Я наклонилась, задела плечом шторку, подруга поймала.

— Ты как?

— Собираюсь.

— Вижу.

На полу лежали только вещи, которые принадлежали нам или ещё не были оплачены. Никакой чужой невесты. Никаких пакетов с украшениями. Я подняла носки и вдруг рассмееялась. Не потому, что стало смешно. Потому что если всё равно приходится выглядеть глупо, лучше делать это в примерочной по собственной воле.

Дженни спросила, что случилось.

— Ничего. Выйду — расскажу.

Я вышла.

Подруга взглянула на меня, на покупки, на пустую кабину.

— Все детали вернула?

— Пока да.

Мы подошли к кассе. Одетта пересчитала вещи, пробила чек. Дженни попросила отдельный на своё, я тоже. Нам нужно было понимать, сколько потратили, если позже придётся объяснять это человеку, который ушёл с нашей сумкой.

— У вас багаж потерялся? — спросила Одетта.

Мы с подругой переглянулись.

— Да, — сказала Дженни.

— Бывает. В прошлом месяце ко мне семья пришла в одинаковых рубашках. С чужого чемодана на ночь выдали. Очень хорошая ткань, женщина ещё жалела возвращать.

Я удержалась от рассказа, насколько у нас всё иначе.

Одетта показала на жёлтое платье у входа.

— Если нужно что-нибудь для вечера, это недорого.

Я посмотрела.

Дженни тоже.

— Не надо, — сказала она.

Но Одетта уже сняла платье.

— Оно простое. Можно и на пляж. Завязка сбоку.

Она развернула. Синие цветы оказались ещё крупнее. Один располагался в том месте, где на мне находилась бы грудь, второй у бедра. Между ними было достаточно ткани, чтобы объявить перемирие.

— Примерьте, — сказала продавщица.

Я посмотрела на цену.

Цена была хорошая. Моя способность выбирать одежду от этого никогда не улучшалась.

— Только быстро, — сказала я.

Дженни закрыла глаза.

Я вернулась в примерочную. Платье надевалось легко. Завязка находилась сбоку. Я затянула, посмотрела в зеркало.

По-моему, стало лучше, чем ожидала подруга.

Я вышла показать.

— Ну?

Дженни посмотрела. Сначала на цветы, потом на моё лицо.

— Тебе удобно?

— Да.

— Тогда...

Она не закончила. Я шагнула к большому зеркалу возле прилавка. Ветер из примерочной прошёл по полу, ткань распахнулась с одного края. Оказалось, я завязала не всё, что требовалось.

Я быстро прижала подол.

Одетта подошла, показала вторую ленту изнутри.

— Эту тоже.

— А я думала, запасная.

Продавщица улыбнулась, помогла пропустить через нужное место. На этот раз платье перестало вести себя как предложение познакомиться с моими ногами.

Дженни засмеялась.

— Бери, — сказала она. — Раз уже научилась.

Я купила. Уложила в продуктовую сумку, сверху носки и футболки. Наш новый гардероб пах магазином и упаковками. Это было гораздо лучше, чем пахнуть чужой свадьбой.

На выходе Одетта предложила недорогие тканевые рюкзаки. Мы посмотрели, выбрали по одному. Не для всего багажа, только для одежды на ближайшие дни. Моя сумка была зелёной, Дженни тёмно-синей. Разница цвета давала надежду, что даже при следующем происшествии не придётся объявлять общий розыск.

Одетта сказала, что чуть дальше есть лавка с дорожными принадлежностями, если понадобится что-то ещё.

Я спросила, продают ли там замки.

Она показала на корзину возле кассы.

— Вот.

Дженни посмотрела на меня.

— У нас рюкзаки.

— Я пока просто спрашиваю.

Замки я не купила. Не хотела, чтобы к концу поездки пришлось охранять ещё и ключи от носков.

Мы вышли на улицу. Солнце поднялось, у остановки стало больше людей. Кто-то ел мороженое, ребёнок держал пластиковую лопатку, две женщины обсуждали, сколько ехать до порта. Я увидела впереди небольшое кафе с открытыми столиками.

— Кофе? — спросила я.

Дженни посмотрела на время.

— Ненадолго. Нужно ещё собраться.

Мы сели в тени. Заказали два кофе, я маленькую булочку, потому что тревога съела часть моего завтрака отдельно от меня.

Подруга достала телефон. Сообщение Вивьен всё ещё оставалось без ответа.

— Может, не смотрит, — сказала я.

— Доставлено.

— Это только доставлено.

Дженни положила телефон на стол, смотрела на него несколько секунд.

— Я знаю.

Я достала копию маршрутного листа, которую она мне переслала. На маленьком экране всё казалось аккуратнее, чем происходившее утром. Названия гостиниц, время приезда, прогулка, доставка какого-то пакета. Возле Порт-Белла стояло: «Личные отправления. До 16:00».

Ниже был контакт сопровождающего сотрудника агентства.

— Можно им позвонить, — сказала Дженни.

— Зачем?

— Спросить, как связаться с Вивьен. Если она пользуется их поездкой, может, они знают.

Я посмотрела на карточку Коул в своей маленькой сумке. Сержант просила сообщать о контакте, не обещать ничего за

других и не передавать вещи. Позвонить по номеру из оставленного маршрута она не запрещала. Но мне хотелось понимать, что именно мы спрашиваем.

— Только про одежду, — сказала я.

— Про неё тоже.

— Дженни.

— Я не собираюсь говорить, что она у нас. Потому что её нет.

Подруга набрала номер с листка. Включать громкую связь не стала. Я видела только её лицо: сначала вежливое, потом внимательное.

— Добрый день. Я по поводу Вивьен Мерсер. Меня зовут Дженни Стоун... Нет, я не из семьи. Мы познакомились вчера. Она переночевала у нас и сегодня ушла.

Пауза.

— Да, в кемпинге. Бухта Ларк. Нет, сейчас её здесь нет.

Подруга посмотрела на меня.

— Можете подождать? Я хочу, чтобы моя подруга тоже слышала. Разговор касается наших вещей.

Она спросила разрешение у собеседницы, потом включила громкую связь и придвинула телефон к середине стола. Я поставила кружку подальше, чтобы не залить чужой свадебный сервис.

— Селия Блейк, — представилась женщина. — Я занималась поездкой пары. Правильно понимаю, с Вивьен всё в порядке?

Голос был мягкий, деловой. Женщина говорила так, будто даже плохую новость можно поместить в отдельную графу и согласовать время, когда она перестанет мешать.

— Ночью было всё в порядке, — ответила Дженни. — Утром она ушла сама. Но забрала нашу сумку с одеждой.

Пауза получилась длиннее.

— Возможно, произошла ошибка.

Я посмотрела на подругу.

— Она унесла большую тёмную сумку, — сказала я. — Свою светлую с подарками оставила. Мы не выдавали ей наш багаж.

— Простите. Как вас зовут?

Я назвалась.

— Мисс Честерфилд, я понимаю, что у вас есть вопросы. Вивьен вчера пережила тяжёлую ситуацию. Она могла не сразу...

— Мы сейчас купили бельё, — перебила Дженни. — Потому что своё надеть не можем. Я не хочу обсуждать её чувства раньше нашей сумки.

Селия остановилась. Я почти услышала, как она меняет выражение лица.

— Конечно. Есть номер для связи с вами?

— Вы сейчас на него отвечаете. Это мой мобильный.

— Хорошо. Я попробую дозвониться ей и сообщить. Если есть оставленные свадебные предметы, мы можем помочь с передачей. Это часто удобнее, чем выяснять напрямую меж-

ду людьми после такого вечера.

Я придвинулась.

— Всё, что она оставила, передано полиции. Вещи перечислены.

Селия помолчала.

— Уже передано?

— Да.

— А Майлз об этом знает?

— Он сам вызвал полицию, — сказала Дженни. — Был рядом.

На том конце стало тихо. Потом женщина вдохнула.

— Понимаю. Мы, конечно, поможем, если понадобится подтверждение по подаркам.

Я смотрела на изображение маршрута в своём телефоне.

— Вивьен собиралась сегодня в Порт-Белл?

— Весь маршрут оформлялся для двоих. После отмены свадьбы многое потребуется отменить тоже.

— Он ещё действует?

— В каком смысле?

— Бронь гостиницы. Она может туда приехать?

Селия ответила не сразу.

— Я не могу передавать вам личные планы клиента. Но Вивьен сегодня не должна заселяться в «Соль и ветер». Мы обсуждали другие обстоятельства.

— Когда обсуждали? — спросила Дженни.

— Простите, я не могу сейчас продолжать. Мне нужно

сделать несколько звонков. Я попробую связаться с ней по вашей сумке. Пожалуйста, сохраните чеки, если пришлось купить необходимые вещи.

Женщина назвала электронный адрес, который был и на листе. Сказала, что можно прислать информацию о пропавшем. Не пообещала оплатить. Не попросила номер карты. Поблагодарила за помощь Вивьен и закончила разговор.

Дженни смотрела на экран.

— Мы помогли, — сказала она. — Она украла.

Я взяла кружку.

— Ты это ей сказала.

— Да.

Подруга выключила громкую связь и убрала телефон.

Я посмотрела на гостиницу в маршрутном листе. «Личные отправления. До 16:00». Кто-то собирался везти пакеты для двух людей, которые вчера не стали супругами. Мне хотелось, чтобы среди пакетов нашлась наша сумка, но оснований для этого пока не было.

— Напишем Коул про звонок, — сказала я.

Дженни кивнула.

Мы отправили короткое сообщение на служебный контакт, который был указан на карточке для материалов по обращению. Имя сотрудницы агентства, номер, что сказали про маршрут и одежду. Ничего не добавляли от себя.

Кофе остывал. Моя булочка лежала на тарелке, я взяла её и откусила.

Ветер шевелил новую зелёную сумку у моей ноги.

— Поедем в Порт-Белл? — спросила Дженни.

— Мы и так собирались.

— Теперь немного иначе.

Я посмотрела на свои покупки.

— Сначала научусь носить платье так, чтобы не пришлось объясняться ещё с кем-нибудь.

Подруга улыбнулась.

Мы допили кофе и пошли обратно к кемпингу.

На обратном пути Дженни остановилась у булочной. Я посмотрела на вывеску, затем на неё.

— У нас есть хлеб.

— Я знаю. Нужна вода.

Мы купили две бутылки. В магазинчике пахло тестом и тёплым молоком. Мальчик за прилавком спросил, будем ли брать булочки, я сказала нет с выражением женщины, которая уже потратила лишнее на большие цветы.

Когда вышли, телефон подруги коротко звякнул.

Она сразу посмотрела.

Мара.

Дженни ответила, убрала аппарат.

— Не она.

— Я поняла.

Мы пошли дальше. По той же дорожке, мимо той же остановки. Под стеклом висел тот же ранний рейс. Мне казалось странным, что место, через которое человек унёс часть на-

шего отпуска, никак не отмечено снаружи. Здесь по-прежнему можно было ждать автобус, есть мороженое и ругать жару.

В кемпинге стоял новый прицеп. Хозяин пытался развернуть его у дорожки, жена объясняла направление. Мы дождались, пока они закончат. Я посмотрела на руки женщины. Она махала так, как вчера я, и водитель явно не понимал, предлагается ли ему двигаться или молиться.

Рута подошла, показала открытой ладонью остановиться. Потом направила машину дальше. Прицеп встал.

— Она умеет, — сказала я.

— Очень, — ответила Дженни.

Мы дошли до своего участка. Эйлин сидела с книгой, подняла глаза на наши пакеты.

— Удачно?

— Не всё, но хватит, — сказала подруга.

— Она ответила?

— Нет.

Эйлин закрыла книгу пальцем, чтобы не потерять страницу.

— Я бы тоже расстроилась.

Я посмотрела на неё. Это было всё, что она сказала о нашей ошибке. Ни советов, ни рассказа про людей, которых нельзя пускать, ни желания обсудить, почему я вообще выдала футболку женщине с кольцом.

— Спасибо, — сказала я.

Эйлин кивнула и снова открыла книгу.

Мы занесли покупки. Теперь в автодоме пахло новой тканью и немного бумагой от чеков. Я положила зелёный рюкзак на заднюю кровать, открыла и стала складывать вещи. Дженни делала то же рядом. Каждая в своё.

На новых футболках были плотные этикетки. Я срезала одну маленькими ножницами из дорожной коробки, затем вторую. Подруга проверила, не остался ли острый конец. Впервые за утро кто-то проявил заботу о том, что будет касаться моей кожи, а не чужой собственности.

— Чеки сохрани, — сказала она.

— Здесь.

Я вложила свой в папку. Не ту, где документы проката. В маленький прозрачный файл, который Дженни дала для наших расходов. Она вложила рядом свой.

Мы посчитали. Новая одежда обошлась ощутимо, но не настолько, чтобы сразу ехать домой. Однако на последнюю красивую остановку, где подруга собиралась оплатить прогулку по бухте, теперь смотрели иначе.

— Пока не будем покупать билеты заранее, — сказала Дженни.

— Да.

— Если она вернёт...

Подруга остановилась.

Я положила руку на край рюкзака.

— Тогда посмотрим. Сейчас мы можем ехать.

Она кивнула.

Я переделалась в новую синюю футболку. Подруга в одну из своих. Дорожные вещи сложили отдельно, позже постираем. Моя новая ткань пахла немного краской, пришлось открыть окно шире. Платье я пока не надела. Хотела дать ему возможность полежать и подумать над условиями нашего будущего сотрудничества.

Дженни собирала кухню. Я вынесла мусор, сполоснула кружки, закрепила книги и бутылки. Мы проверили шкафы, закрыли шторку на окно, которое не нужно было держать открытым в движении. Сумок стало меньше, но от этого мне не захотелось снова поставить что-нибудь на стол без крепления.

Подруга отключила электричество. Я помогла убрать кабель в наружный отсек. Там пахло травой и нагретым пластиком. Договор проката требовал вернуть машину без новых повреждений. Мы пока не добавили ни одного. Только одну простыню оставили с чужим платьем.

Я решила позвонить Оуэну. Не потому, что нужно было немедленно докладывать о невесте, а потому, что, если у проката возникнет вопрос к комплекту белья, мне хотелось объяснить раньше, чем сдавать дом в расстроенном виде.

Он ответил после нескольких гудков.

Я назвала договор и рассказала кратко: ночевала гостя, утром обнаружили оставленные вещи, их забрали сотрудники полиции, простыня временно ушла вместе с ними. Машина цела.

Оуэн помолчал.

— Простыня с их отметкой?

— Да. В перечне есть. Мы сохранили.

— Тогда при возврате покажете. Если удастся получить раньше, заберите. Главное, не оставляйте влажное бельё внутри в мешке надолго.

— Оно сухое. Только там платье.

— Платье?

Я закрыла глаза.

— Свадебное.

Оуэн помолчал ещё раз.

— Понятно.

По его голосу было ясно, что совсем не понятно, но он согласен не включать это в техническую поддержку.

— Если с машиной всё нормально, пользуйтесь как обычно, — сказал он. — По дороге возникнет проблема — звоните.

Я поблагодарила. Он не предложил разбирать свадьбу и не спросил, какое у меня было отношение к жениху. Хороший человек.

После разговора я позвонила Джошуа. Он ответил не сразу, на фоне слышались голоса и стук инструмента.

— Удобно?

— Пару минут. Ты как?

Я рассказала. Не целиком: не хотелось, чтобы он знакомился с содержимым нашей бельевой сумки по телефону.

Про ночь, пропажу, жениха, полицию, покупки. Он слушал и ни разу не попытался закончить за меня.

— Ты в безопасности? — спросил он.

— Да. Мы можем ехать дальше. Просто одежды меньше и денег тоже.

— Нужна помощь?

Я посмотрела на своё отражение в маленьком окне. Новая футболка была слишком синяя, волосы немного растрепались, лицо усталое. Но я стояла возле машины, которую имела право увезти, и рядом была Дженни.

— Пока нет. Спасибо.

— Если понадобится, скажи.

— Скажу.

Он помолчал.

— Про вчерашний звонок. Я не хотел, чтобы это звучало так, будто надо было выгнать её на улицу.

— Я знаю.

— Хорошо.

Я прислонилась плечом к тёплому боку машины.

— Мне неприятно, что я помогла, а теперь злюсь. Сразу кажется, что помощь была какая-то условная.

Джошуа ответил не сразу.

— Ты же не обещала подарить ей одежду на двенадцать дней.

Я улыбнулась.

— Нет.

— Тогда можешь злиться.

У него на заднем плане кто-то спросил про размеры. Он прикрыл телефон, ответил, вернулся.

— Мне пора.

— Я тоже собираюсь ехать. Позже напишу.

— Хорошей дороги.

Мы попрощались. Я убрала аппарат и некоторое время смотрела на дерево возле участка. От него падала короткая тень. Она не защищала от солнца целиком, но могла помочь отдельному человеку, если тот встанет правильно.

Дженни вышла из машины.

— Всё готово.

— Сейчас.

Я проверила внешний отсек, закрыла. Подруга обошла вторую сторону. Я подобрала маленькую пластиковую прищепку, которая упала возле ступеньки, и положила в коробку. Мы взяли свои стулья, столик, пакеты и возможность не рассказывать каждому следующему человеку полную историю утром.

Рута подошла, когда мы уже стояли возле водительской двери.

— Поедете на север?

— В Порт-Белл, — ответила Дженни. — Потом на стоянку за бухтой.

— Хорошая дорога. В самом городе не лезьте к старому рынку на машине, места мало. У набережной есть парковка

для больших.

Подруга посмотрела на карту, отметила.

Рута передала нам квитанцию за вчерашнюю дополнительную гостью. Мы поблагодарили.

— Если та женщина сюда позвонит, скажу, чтобы связалась с вами и сотрудниками, — сказала хозяйка.

— Хорошо.

Я посмотрела на неё.

— Спасибо, что не решили за нас сразу.

Рута поправила карандаш.

— Я вас вчера видела. Ей дверь вы не ломали. Себе тоже. Мне этого пока хватает, чтобы сначала слушать.

Я кивнула.

Эйлин подняла руку со своего участка. Дженни помахала. Мы сели в машину. Подруга за руль, я рядом. Пристегнулись, проверили маршрут, дождались, пока женщина с ребёнком перейдёт дорожку.

Я посмотрела на заднее окно. Кровать, сумки, закрытые шкафы. Ничего лишнего в проходе.

Дженни тронулась.

Возле ворот Рута подняла шлагбаум. Я вдруг ощутила, что не хочу поворачивать голову к калитке. Не потому, что там страшно. Потому что там находилось слишком много подробностей о том, как легко можно уйти из нашей жизни вместе с молнией и двумя ручками.

Подруга выехала на дорогу. Кемпинг остался сзади.

Некоторое время мы ехали молча.

В городе пришлось остановиться на светофоре. Справа открылась витрина с пляжной одеждой. У входа стояло жёлтое платье, похожее на моё, только цветы были красные.

— Ещё один вариант, — сказала я.

Дженни посмотрела краем глаза.

— У него тоже внутренний секрет?

— Не будем выяснять.

Она улыбнулась. Свет сменился, мы поехали дальше.

Дорога к Порт-Беллу сначала шла между домами, потом поднялась на небольшой холм. Оттуда была видна усадьба «Белый мыс». Белый навес ещё стоял. Ряды стульев убрали, на траве двигались двое людей с тележкой. Свадьба закончилась, хотя так и не состоялась.

Я смотрела, пока деревья не закрыли вид.

— Хочешь вернуться? — спросила Дженни.

— Нет.

— И я.

Мы держались широкой дороги. Море то возникало справа, то уходило за каменные выступы. На одном из поворотов пришлось пропустить грузовую машину. Подруга снизила скорость, я молча смотрела в своё окно. Не повторяла, что дом широкий. Она уже знала.

Телефон лежал на держателе, показывал путь. Ещё один мой аппарат, личный, оставался в сумке. Я достала его, проверила сообщения. От матери — вопрос, как спали. Я отве-

тила, что ночь прошла, мы выехали, позже расскажу. Не стала писать, что хорошо. Это потребовало бы слишком многих уточнений.

Дженни спросила:

— Родителям расскажешь?

— Да. Когда остановимся. Не хочу сейчас.

— Я тоже позже.

Мы проехали ещё несколько километров. На обочине стояла маленькая торговая точка с фруктами. Я увидела персики и вспомнила, что могла бы купить их без связи с происшествием. Обычная покупка на обычной дороге. Но останавливаться не захотелось.

В конце концов первая часть дня осталась не внутри машины, а позади неё. Не полностью. Но достаточно, чтобы смотреть на воду без одновременного взгляда на кольцо.

В Порт-Белле было больше людей. Низкие дома, светлые стены, вывески кафе, мопеды возле ограды. Подруга заранее держалась указателей к набережной и не пошла через рынок. Один раз карта предложила повернуть в узкую улицу, мы проехали дальше. Аппарат перестроил маршрут без обиды. Видимо, тоже устал.

Парковку нашли возле длинной полосы деревьев. Там стояли ещё два автодома и туристический автобус. Дженни выбрала место, я вышла показать задний край. На этот раз моя поднятая ладонь означала только остановку. Мы договорились об этом заранее и обе придерживались смысла.

Машина встала ровно.

Я вошла, взяла личную сумку, бутылку воды, надела сандалии. Подруга проверила окна и дверь. Мы вышли в город, оставив новый гардероб в закрытом доме. Рюкзаки находились под кроватью, но теперь я уже не испытывала такой большой любви к открытым отсекам.

— Сначала продукты? — спросила Дженни.

Я посмотрела на часы.

Было начало четвёртого. Пока собирались, ехали и парковались, день успел заметно переместиться.

— Гостиница недалеко, — сказала я.

— Селия сказала, что её там не должно быть.

— Можно не искать её. Спросить, как оставить сообщение, если она придёт. Наша одежда сама к нам не вернётся.

Подруга кивнула.

Мы нашли «Соль и ветер» через две улицы от воды. Не дворец. Небольшое светлое здание с балконами, растением у входа и стеклянной дверью, на которой были наклеены часы работы ресторана. Люди у столиков ели поздний обед. Никто не выглядел так, будто им срочно нужно убедить кого-нибудь в своём праве на запонки.

Я замедлила шаг.

— Что? — спросила Дженни.

— Просто я не хочу опять представляться.

— Представляюсь я.

Мы вошли.

В прохладном холле пахло кофе. На стойке лежали открытки с видами порта и корзинка с яблоками. За стойкой молодой мужчина раскладывал конверты. Он поднял голову.

— Добрый день.

Дженни объяснила, что хотела бы оставить сообщение для Вивьен Мерсер. Не получить номер комнаты, не войти к ней. Только попросить связаться по оставленным контактам. Она назвала себя, меня, сказала, что Вивьен может узнать нас по вчерашней ночёвке в автодоме.

Мужчина перестал перебирать конверты.

— Минуточку.

Он посмотрел в экран, затем позвал кого-то через открытую дверь за стойкой. К нам вышла женщина в серой рубашке. На рукаве были маленькие пуговицы в цвет ткани. Она взглянула на нас, на бумажку с именами, которую Дженни уже успела написать.

— Вы из кемпинга?

Подруга посмотрела на меня.

— Да.

Женщина кивнула. Достала из ящика небольшой конверт. На лицевой стороне было написано от руки: «Пэм и Дженни. Бухта Ларк».

Я почувствовала, как пальцы похолодели, хотя стояла в тени и ничего не держала.

— Она оставила это для вас, если придёте, — сказала женщина.

Дженни посмотрела на конверт.

— Когда?

— Утром. Сообщила ваши имена и место. Если сомневаемся, попросила, чтобы назвали, какую одежду дали ей вчера.

Я назвала свою футболку, брюки. Подруга — носки. Убедиться без документов по такому описанию было невозможно, но женщина не вручала нам ни ключи, ни вещи. Она только передала закрытый конверт, на котором не было ничего, кроме наших имён.

Дженни взяла.

— Вивьен здесь?

— У нас не остановилась. Забрала своё отправление и ушла. Если вам нужна связь, в письме, возможно, есть.

Я посмотрела на женщину.

— Она забрала пакет?

— Да.

— Сегодня?

Женщина удивилась.

— Сегодня утром. Она сама приходила. Я выдала.

В телефоне подруги лежал маршрут, по которому невеста не должна была заселяться в этой гостинице. На стойке больше не было конверта для нас. Он теперь находился у Дженни, и на бумаге под её пальцами виднелся след от сгиба.

Подруга раскрыла край, но я осторожно коснулась её руки.

— Давай сядем.

У стены стояли два кресла. Мы подошли, опустились рядом.

Конверт был лёгкий. Совсем не похож на сумку, которую хочется вернуть.

Дженни вынула сложенный лист. Бумага была гостиничная, с маленьким названием в верхнем углу. Ни номера телефона, ни адреса, по которому можно забрать нашу одежду.

Подруга прочла, протянула мне.

«Я знаю, что вы злитесь. Сумку верну. Мне пришлось уехать раньше, чем я думала. Не отдавайте ничего Майлзу через агентство, даже если вам покажут подтверждение от моего имени. Я вчера такого не подписывала. Вивьен».

Я прочла ещё раз. Посмотрела на стойку, где мужчина снова раскладывал конверты. Женщина в серой рубашке разговаривала с гостем, показывая рукой на дверь ресторана.

— Какое подтверждение? — спросила Дженни.

— Не знаю.

Подруга забрала лист. Перевернула. С другой стороны ничего не было.

Мы обе хорошо помнили голос Селии. Она предложила помочь с передачей свадебных предметов — так спокойно, будто речь шла о забытом зонте.

Дженни достала телефон.

— Это тоже отправим Коул.

Я кивнула.

Я взяла письмо обратно и ещё раз прочла ту фразу, которой вчера нам очень не хватало:

«Я такого не подписывала».

Глава третья

Медовый месяц без мужа

Я положила письмо на колени, потому что в руках оно начинало заметно дрожать. Мне не хотелось, чтобы Дженни решила, будто я растрогалась. Я была совершенно не растрогана. Женщина забрала нашу одежду, оставила вместо неё указание, как обращаться с чужим имуществом, и даже не сообщила, где находятся мои купальники. Причём указание уже опоздало: кольцо и коробки лежали у полиции.

Дженни включила камеру.

— Держи ровнее.

Я разгладила лист на журнальном столике. Столик оказался круглым, лист — прямоугольным, и один угол свисал над чужим полупустым стаканом.

— Подожди.

Я убрала стакан на подставку. С другого конца холла на меня посмотрел мужчина в льняном костюме. Судя по выражению лица, это был его стакан. Я подвинула подставку обратно на два сантиметра. Мужчина удовлетворённо вернулся к газете.

Вивьен предстояло очень постараться, чтобы я снова захотела помогать ей без письменного перечня.

Подруга сняла письмо, конверт с нашими именами, затем проверила фотографии.

— Здесь край тёмный.

— Там ничего не написано.

— Всё равно.

Она пересняла. Я удерживала лист, поставив на угол собственную бутылку. Мужчина с газетой снова поднял глаза, но на этот раз к его собственности никто не прикасался.

Дженни отправила снимки Коул. В сообщении указала название гостиницы, что письмо только что передала сотрудница и что Вивьен, по её словам, приходила утром за отправлением. Я прочла текст прежде, чем подруга нажала кнопку.

— Добавь, что оригинал у нас.

— Уже.

— И что мы не знаем, какое подтверждение она имеет в виду.

Дженни посмотрела на меня.

— Пэм, я написала ровно то, что мы знаем.

Я выдохнула.

— Хорошо.

Она убрала телефон, а я сложила письмо по прежним сгибам. Оно не сделалось понятнее от того, что теперь им занималась полиция.

За стеклянной дверью медленно прошла женщина с огромной соломенной шляпой. Мужчина рядом нёс две сумки и старался не задевать край шляпы головой. Они явно на-

ходились в отпуске. Я испытала к ним сильную зависть, хотя ещё утром сочла бы такую шляпу достаточным основанием для раздельного путешествия.

— Она могла оставить номер, — сказала я.

— У нас есть её номер.

— Номер, по которому не отвечают, занимает слишком мало места в моей жизни, чтобы считаться полноценной связью.

Дженни взяла конверт.

— Надо ещё раз написать ей. Что нашли письмо.

— Напиши. И спроси, куда ехать за сумкой. Без сердечка.

— Я ни разу не ставила ей сердечко.

— На всякий случай.

Подруга набрала сообщение. Я отвернулась, чтобы не диктовать каждую запятую. В конце концов, у Дженни тоже пропали вещи. Она могла требовать их возвращения собственными словами.

Сотрудница в серой рубашке закончила разговор с гостем и подошла к стойке. Молодой мужчина передал ей папку. Они о чём-то обменялись двумя фразами. Женщина посмотрела в нашу сторону, словно проверяя, не ждём ли мы ещё чего-нибудь.

Мы действительно ждали. Например, хотели узнать, каким образом невеста успела оставить для нас письмо в следующем городе, пока мы объясняли, что не похищали её в предыдущем.

Я поднялась.

— Давай спросим про отправление.

Дженни встала следом. В кресле осталась вмятина, напоминая мне, что сидеть мы умеем значительно лучше, чем отдыхать.

У стойки я дождалась, пока мужчина с папкой отойдёт.

— Простите. В письме есть кое-что, что мы сообщили полиции. Можно уточнить, какое отправление Вивьен забрала?

Женщина перевела взгляд с меня на Дженни.

— Вы родственницы?

— Нет. Она ночевала у нас.

— Тогда я не могу обсуждать её вещи.

Мне понравилось, что ответ оказался коротким. Было бы хуже, если бы сотрудница спросила, в каких именно отношениях мы состоим с невестой. Я не знала, как назвать отношения, в которых одна сторона спит, а другая уносит всю чистую одежду.

— Понимаю, — сказала я. — Мы не просим открыть посылку. Просто хотим передать сотрудникам, кто её выдавал, если они свяжутся.

Женщина посмотрела на письмо, которое я держала за конверт.

— Я выдавала. Меня зовут Нора Хейл. Я сегодня до семи. Позже дежурный передаст сообщение.

Она произнесла фамилию чуть отчётливее. Дженни записала.

— Спасибо. Вы можете сохранить запись о выдаче?

Нора задумалась.

— Мы и так сохраняем. Это не мусорная корзина, которую опорожняют после каждой гостыи.

— Хорошо, — сказала я. — Просто нам сегодня уже пришлось объяснять довольно много.

— Понимаю. Попросите сотрудника полиции связаться с управляющим. Тогда вопрос решится обычным порядком.

Я кивнула. Нора придвинула нам визитку гостиницы. На ней были общий номер и адрес. Никакого тайного прохода к вещам Вивьен. Я положила карточку в сумку рядом с конвертом.

Дженни уточнила:

— Она была с большой тёмной сумкой?

Нора посмотрела на неё уже внимательнее.

— Это ваша вещь?

— Да. Мы заявили о пропаже. Мягкая, длинная, с двумя ручками и серой нашивкой сбоку.

Женщина не сразу ответила. Я видела, как она перебирает в памяти утро, а не просто выбирает удобное «да».

— Сумка была. Тёмная. Остального не помню. Я не рассматривала её багаж.

— Она её здесь не оставляла?

— При мне нет.

Я ощутила, что надежда, ещё не успевшая толком появиться, опять складывается в маленький плоский предмет.

— А письмо она писала здесь?

— Попросила бумагу. Села вон там.

Нора указала на наши кресла.

Я оглянулась. На круглом столике по-прежнему стоял стакан, теперь уже пустой. Вивьен сидела там несколько часов назад и знала, что мы придём. Может быть, не знала. Может быть, просто решила, что это дешевле, чем позвонить.

— Спасибо, — сказала Дженни. — Если она появится, попросите связаться с нами. Наши номера можно ей дать.

Подруга написала номер на обратной стороне своей бумажки с именами. Я добавила свой. Нора убрала лист в отдельный конверт, подписала.

— Передам, если придёт. Искать её я не могу.

— Мы не просим, — ответила я.

У Дженни зазвонил телефон. Она взглянула на экран, и я успела подумать, что Вивьен наконец вспомнила, как им пользоваться. Но звонила Коул.

Подруга отошла к окну, я осталась рядом. Говорила она тихо, без прежней торопливости. Назвала Нору, часы её дежурства, повторила, что пакет забрали, а письмо отдали нам. Потом передала телефон мне.

— Сержант спрашивает про оригинал.

Я взяла аппарат.

Коул хотела, чтобы мы сохранили письмо с конвертом. Не делали на нём пометок, не отдавали агентству, при следующем удобном контакте передали сотрудникам. Она не велела

везти его немедленно обратно в «Бухту Ларк» и не назначила нас сопровождающими невесты. Сначала полиция сама свяжется с гостиницей. Если Вивьен ответит, нужно сообщить.

— А это подтверждение? — спросила я. — Мы ведь ничего такого не видели.

— Пока не знаем, о чём речь. Наличие письма не устанавливает, кто и какой документ составил.

— Да.

— Не вступайте от её имени в разговоры о передаче подарков. Вы уже передали всё нам.

— Мы помним.

Коул сделала паузу.

— Памела, насчёт вашей одежды заявление действует. Если получите вещи, сообщите, что именно вернули и в каком состоянии.

Мне стало немного легче. За рассуждениями о чужих кольцах и согласиях мои трусы всё-таки не перестали быть моими.

— Спасибо.

Я вернула телефон. Дженни сразу проверила сообщение Вивьен. По-прежнему без ответа.

Из ресторана вышел мужчина с узкой корзиной. В корзине лежали две светлые салфетки, бутылка и цветы. Он направился к лестнице, но молодой сотрудник окликнул его:

— Лео, минуту. Это второй комплект?

Мужчина остановился.

— Один вернули с верхнего этажа. Этот в кладовую?

— Пока сюда.

Корзина очутилась на стойке рядом с папкой. Я с удивлением заметила, что даже чужие нераспакованные вещи начинают меня утомлять.

Дженни взяла визитку, которую я ещё не успела убрать до конца.

— Здесь магазин напротив есть. Сувениры и старые вещи. Может, сумки.

— Нам не нужна третья сумка.

— Я не про покупку. Вивьен могла где-то остановиться, спросить дорогу. Можно хотя бы посмотреть улицу.

— Она могла пройти мимо любого магазина. Мы не можем каждый допрашивать.

— Я не собиралась допрашивать.

Подруга убрала визитку, и я поняла, что сказала это резче, чем требовалось. С самого утра Дженни больше меня занималась звонками и бумагами. Теперь я ещё и объясняла ей, какие намерения она имеет.

— Прости. Я хочу сначала поесть что-нибудь нормальное.

— Я тоже.

— А потом купить продукты и доехать до нашей стоянки. Нам же туда ещё ехать.

Дженни посмотрела время.

— Успеем. От города недалеко. В подтверждении написано до восьми.

— Замечательно. Значит, сегодня хотя бы дверь будет открыта по предварительной договорённости.

За стойкой Лео поднял корзину, но Нора опять попросила подождать. Мужчина поставил её и занялся салфетками. Одна была сложена сердечком, другая развалилась на более честный прямоугольник.

Нора подошла к нам.

— Вы сейчас уезжаете?

Я насторожилась.

— Из гостиницы — да.

— Тогда можете помочь с одним вопросом? Чтобы я не звонила зря организатору.

Я почувствовала взгляд Дженни.

— Если это не связано с перевозкой невест, — сказала я.

Нора улыбнулась краем рта.

— С перевозкой точно нет. Вы говорили с агентством Восса?

— Да.

— Они не сообщили, что здесь делают с заказанным обслуживанием?

Я посмотрела на корзину. Цветы были кремовые, мелкие, очень аккуратно связанные.

— Нам сообщили только, что Вивьен не должна заселяться.

— Понятно.

В голосе Норы прозвучало не удивление, а усталость че-

ловека, которому снова оставили недоделанную работу.

Она открыла папку, не поворачивая к нам страницы.

— Номер отменён. А ресторану передали другую информацию. Сейчас уточню. Вы ничего не должны, можете идти.

Это было достаточно ясное разрешение. Я уже развернулась к двери, когда Дженни спросила:

— А Вивьен сама отменяла?

— Я не обсуждаю чужую бронь, — напомнила Нора.

Подруга кивнула.

— Простите.

Лео достал из корзины маленькую карточку. На ней я успела увидеть напечатанные слова «Любовь начинается с путешествия». Под ними оставалось место для имён. Имена кто-то зачеркнул одной ровной линией.

Я не стала рассматривать дальше. У нас уже было чужое путешествие на обеих сторонах листа.

Мы подошли к двери, но молодой сотрудник окликнул нас:

— Простите, вы забыли бутылку.

Я посмотрела на свою сумку. Моя вода лежала внутри.

Он показывал на круглое стекло на стойке. Лео как раз ставил рядом два бокала.

— Это не наше, — сказала я.

— Мне сказали, комплект для двух дам.

— Сказали не про нас.

Мужчина замер. Нора, не отрываясь от телефонной труб-

ки, подняла ладонь. В холле стало достаточно тихо, чтобы я услышала, как из ресторана кто-то громко попросил ещё хлеба.

Дженни наклонилась ко мне:

— Я думала, она спрашивала, чтобы мы подтвердили отмену.

— А он подумал, чтобы подтвердили получение.

Нора положила трубку.

— Лео, убери. Я этого не говорила.

Лео посмотрел на молодого мужчину. Тот посмотрел в папку. Ни один из них не выглядел виновником большой махинации. Они выглядели людьми, которые работают в гостинице в тот день, когда чужая свадьба никак не заканчивается.

Нора обошла стойку.

— Прошу прощения. Это наш внутренний вопрос. Платить вам ни за что не нужно.

— Мы и не собирались, — сказала я.

Она кивнула.

— Я вижу. Можете подождать в ресторане, если хотите поесть. Там обычное меню, не свадебное.

Из живота Дженни донёсся тихий звук, который мог считаться согласием с предложением. Мой живот, хуже воспитанный, ответил значительно громче.

Нора любезно сделала вид, что ничего не слышала.

Я посмотрела на подругу.

— Обычное меню меня устраивает.

Ресторан оказался небольшим. За окнами стояли столики под светлыми зонтами, внутри пахло запечённой рыбой и чем-то сладким. У дальней стены висели фотографии побережья. На одной виднелся именно тот участок дороги, по которому мы только что проехали, только без грузовика перед нами и без моих указаний, куда смотреть.

Лео, успевший оставить корзину, проводил нас к столу у двери на террасу.

— Здесь подойдёт?

— Да, спасибо.

Я села так, чтобы видеть стойку в холле. Это было не особенно удобно: спинка стула попадала между лопаток, стол имел ножку именно там, где хотелось поставить ноги. Зато на меня больше не могло неожиданно опуститься свадебное обслуживание.

Дженни раскрыла меню.

— Суп.

— Согласна.

— Я не спрашивала.

— Всё равно согласна.

Она перевернула страницу.

Ещё вчера мы собирались обедать в автодоме. Купили бы помидоры, нарезали сыр, я наверняка вымазала бы ножом что-нибудь лишнее. Мы бы сидели под деревом, и Дженни объясняла бы мне, что отпуск не обязательно должен выглядеть как фотография. Сегодня мы ели в гостинице, где могла

оказаться наша одежда, и я боялась заказать блюдо, связанное с невестами.

Я выбрала суп и сэндвич. Подруга — суп и рыбу. Лео записал, повторил заказ, спросил про воду.

— Обычную, — сказала я. — В двух обычных стаканах.

Он чуть улыбнулся.

— Будет.

У соседнего стола мальчик пытался заставить бумажную лодку плавать в тарелке. Его отец поймал лодку за край и отправил на салфетку. Мальчик немедленно начал строить другую.

Дженни смотрела на меню, хотя уже заказала.

— Ты на меня сердишься?

Я убрала руку с конверта, который зачем-то держала сквозь ткань сумки.

— За что именно?

— За вчерашнее.

— Я сержусь на Вивьен.

— Это я сказала ей остаться.

— Я не лежала связанная под столом, когда ты это говорила.

Подруга посмотрела на меня. Я отвела взгляд на бумажную лодку.

— Пэм.

— Что?

— Я сейчас серьёзно.

Я придвинула к себе пустой стакан. Он был прохладный и слишком гладкий. Хотелось занять руки чем-нибудь, что не требовало нового перечня.

— Я знаю. Мы обе разрешили ей переночевать. Я дала вещи, помогла с платьем. Ты не могла знать, что она возьмёт сумку.

— Но ты сначала не хотела.

— Я сначала не хотела грязь на сиденье. Не надо делать из этого способность предсказывать кражи.

У Дженни дрогнул рот.

Я откинулась на спинку. Между лопаток немедленно напомнила о себе перекладаина.

— Мне жалко одежды, — сказала я. — И времени. Я устала представляться и думать, кто что решил про нас без нас. Но я не собираюсь всю дорогу напоминать тебе, что ты открыла дверь первой.

Подруга сложила меню.

— Хорошо.

— Только если ты в следующий раз захочешь приютить человека с большим чемоданом, сначала спроси, чей это чемодан.

— Спрошу.

Мы некоторое время молчали. На кухне что-то звякнуло. Отец мальчика подписал очередную лодку, наверное, надеясь, что это придаст ей сухопутную ценность.

— Я хочу её найти, — сказала Дженни.

— Я тоже. У неё мои вещи.

— Не только поэтому.

Я посмотрела на неё.

— Мне надо понять, почему она не могла просто попросить нас отвезти её сюда. Мы же не отказались бы сразу.

— Мы как раз отказались вчера везти дальше.

— Ночью. Не утром.

— Тогда утром ей пришлось бы объяснять. А так объяснять пришлось нам.

Дженни кивнула. Она не стала защищать Вивьен, и я почувствовала благодарность, в которой было слишком много усталости, чтобы красиво её выразить.

Нам принесли суп. Я съела первую ложку и с удивлением обнаружила, что мне нравится его вкус. До этого весь день еда существовала главным образом для того, чтобы не мешать разговаривать с полицией.

Суп был густой, с кусочками овощей и травой, которую я не сумела назвать. Дженни немного подула на ложку, потом тоже стала есть. Мы замолчали уже по хорошей причине.

В дверь на террасу вошла женщина с веткой кремовых цветов. За ней появился Лео, у которого в одной руке была наша вода, а в другой маленькая деревянная подставка с цифрой семь.

— Вот сюда, — сказал он женщине, кивая в нашу сторону. Я замерла с ложкой.

Женщина поставила ветку в вазу на столике рядом, затем

сдвинула сам столик ближе к нам. На столике лежал белый свёрток.

Лео налил воду и поставил цифру семь у края нашего стола.

— Это номер стола? — спросила Дженни.

— Да.

— Хорошо.

Я продолжила есть. В ресторанах существуют номера столов, женщины с цветами и свёртки. Всё это могло обходиться без нашего участия.

Женщина развернула ткань. Из неё появилась маленькая рамка с пустым овалом в центре и надписью «Наш первый день». Я медленно опустила ложку.

— Простите. Это вы нам?

Она удивилась.

— Я только ставлю.

— Тогда лучше не ставьте здесь.

Лео посмотрел на рамку.

— Нет, это на террасу. Седьмой стол там.

— Мне сказали у окна.

— У другого окна.

Женщина взяла рамку, но цветы оставила. На нашей стороне было действительно два окна. Даже три, если считать стеклянную дверь. Я не стала предлагать нумерацию, потому что боялась оказаться ответственной за неё.

— Мне очень жаль, — сказал Лео.

— Вы уже извинились за корзину, — ответила я. — Одного раза достаточно, если рамка уйдёт.

Он забрал подставку с цифрой. Дженни следила за ними так, словно мероприятие наконец стало интереснее украденной сумки.

Через несколько секунд женщина вернулась за вазой. Я придержала стакан, чтобы она не задела его локтем. В результате задела его сама, рукавом. Вода пошла к краю стола, под салфетку и на мои брюки.

Некоторое время все трое смотрели, как моя единственная старая дорожная одежда приобретает новую влажную подробность.

— Не страшно, — сказала Дженни.

Я встала.

— Конечно. У меня теперь есть целая другая пара, если считать ту, которую носит невеста.

Лео принёс полотенце. Женщина убрала вазу и исчезла с такой скоростью, что я не могла её осуждать.

Я прижала полотенце к колену. Вода была обычная, без сахара, это облегчало вопрос. Зато мокрое пятно располагалось совершенно не там, где захотелось бы продемонстрировать его незнакомому залу.

— Сядь, — посоветовала Дженни.

— Я собиралась.

— Пока не высохнет, просто посидим.

Я села. Подруга задвинула сумку под мой край стола,

освобождая место для ног.

— Не хочешь снять кофту?

На мне была лёгкая дорожная кофта поверх футболки. После походов по жарким улицам я надела её здесь, в прохладе. Теперь сняла и положила себе на колени.

— Не могу поверить, — сказала я, — что за такой короткий срок она стала парадной.

Дженни прыснула.

Я посмотрела на суп. Он ещё не остыл. Мы продолжили есть, и, пока я занималась ложкой, Дженни перестала улыбаться и стала расспрашивать Лео, не проводят ли в гостинице свадьбу.

— Сегодня нет, — ответил он. — У нас показ для туристических бюро. После четырёх. Два стола на террасе готовят для съёмки, на остальных просто кофе.

— Поэтому цветы?

— Поэтому. Но вам они не предназначались.

— Мы уже разобрались, — сказала я.

Лео принёс мой сэндвич и рыбу Дженни. У рыбы было значительно больше достоинства, чем у меня: она лежала на сухой тарелке, украшенная ломтиком лимона.

Снаружи начали собираться люди с папками. Не женихи, не гости несостоявшейся свадьбы, а обычные представители каких-то компаний. Женщина в тёмном жилете раскладывала на маленькой стойке буклеты. Несколько штук принёс молодой сотрудник из холла.

На ближайшем было знакомое имя: Восс.

Я смотрела на него слишком долго. Дженни проследила мой взгляд.

— Агентство здесь работает.

— На маршруте их название. Это не сюрприз.

— Я знаю.

Лео, подойдя проверить, всё ли в порядке, заметил буклеты и объяснил, что агентства показывают свои программы на побережье. Гостиница сдаёт зал и делает образцы обслуживания. Восс — не единственный участник.

Я осторожно откусила сэндвич. Помидор тут же выехал с другой стороны.

Дженни поймала его салфеткой.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она положила помидор на край моей тарелки. Меня это почему-то окончательно успокоило. За чужими документами, полицией, новыми рюкзаками и свадебной рамкой всё ещё оставалась подруга, которая знала, что я не удержу начинку.

Мы доели без дополнительных событий. Когда Лео принёс счёт, я впервые за обед почувствовала, что контролирую ситуацию. В счёте были два супа, рыба, сэндвич и вода. Никаких цветов, корзин, чужих имён. Мы поделили сумму.

Я приложила карту. Машина пискнула, Лео отдал чек. Я посмотрела на него прежде, чем убрать.

Номер стола был семь.

— Значит, здесь тоже седьмой? — спросила я.

Лео наклонился.

— Нет, двадцать семь. Семёрка была временная, для террасы.

Я развернула чек полностью. Действительно, двадцать семь.

— Всё хорошо, — сказала я.

— Вы точно нормально?

— Просто сегодня мы проверяем цифры.

Он кивнул. Не стал спрашивать.

Кофта на моих коленях успела нагреться. Брюки ещё оставались влажными, но уже без обширного блеска. Я решила, что могу выйти, если буду двигаться уверенно и не отказываться от сумки перед собой.

У входа в ресторан стояла знакомая корзина. Её перенесли на тумбу. Внутри всё ещё лежали светлые салфетки, бутылка, но карточки уже не было.

Нора держала телефон у уха и говорила:

— Это два разных заказа. Номер снят вчера вечером. Завтрашняя прогулка — к вашему агентству, не к нам. Декор ресторана здесь остался, его сегодня можно использовать на показе, если согласуете. Нет, к этим посетительницам отношения не имеет.

Она заметила нас, замолчала, дослушивая ответ. Я не стала стоять и изображать, что разговор мне безразличен. Он

действительно касался нас, но достаточно услышанного я уже имела.

В холле подруга задержалась у буклетов на стойке. Я подошла к ней.

— Не будем забирать весь стенд.

— Я беру один.

Она выбрала небольшой сложенный лист с названием гостиницы, а не агентства. Внутри оказалась карта городка и несколько рекламных предложений. Рыбный ресторан, мастерская сандалий, морские прогулки, музей в бывшем почтовом здании. Я увидела изображение часов.

Не круглых больших настенных. Маленьких, в тёмном деревянном корпусе, с белым циферблатом.

Я подтянула лист к себе.

— Погоди.

Дженни перестала листать.

Часы стояли на полке среди кувшинов. Фото было небольшое, печать зернистая. Под ним название: «Вторая полка». Ниже — адрес, часы работы и фраза про вещи с прошлым.

Я наклонилась поближе, словно от расстояния между моим лицом и бумагой могло зависеть качество типографской краски.

— Похожи, — сказала я.

Дженни сразу поняла.

— На те?

— Да. Но здесь плохо видно.

Мы обе смотрели на картинку. У часов был металлический ободок и такие же небольшие ножки. Я помнила руки Коул, синюю бумагу, крышку коробки. Помнила, как Майлз раздражённо сказал, кто подарил часы. Я не помнила рисунок дерева настолько хорошо, чтобы сравнить его с фотографией размером в половину моего большого пальца.

— Магазин тут же, — сказала Дженни. — Это соседняя улица. Я видела вывеску, когда шли.

Я выпрямилась. Брюки неприятно охладились там, где касались кожи.

— Посмотреть можно.

— Без допроса, — сказала подруга.

— Без.

Она взяла буклет. Я не могла на неё сердиться: теперь первая предложила смотреть я.

Нора положила трубку и подошла к нам. В руке у неё была новая белая карточка.

— Ещё раз прошу прощения за ресторан, — сказала она.

— Я уточнила у сотрудников. Корзину перепутали с комплектацией для показа. Вас приняли за участниц.

— Мы не выглядели как представители туристических бюро, — заметила я.

Нора посмотрела на мою сумку, крепко прижатую к нижней части живота, но ничего не сказала.

— Я попросила не назначать посетителям обслуживание по количеству женщин у стойки. Если будут вопросы по ва-

шему письму, сотрудники знают, как найти меня.

Я поблагодарила. Дженни показала картинку часов.

— А «Вторая полка» сегодня открыта?

— До шести. Небольшой магазин, хозяин обычно сам на месте. Вход со стороны площади, не с переулка.

Я решила, что вот это — полезная информация. Она не требовала ни чужой фамилии, ни разрешения полиции.

Нора посмотрела на корзину, с которой Лео снова проходил мимо.

— И ещё. Если агентство позвонит вам насчёт нашего ресторана, не подтверждайте получение заказа. Вы получили только письмо. С этим мы разобрались, но иногда сведения доходят медленнее вещей.

— Подтверждать не будем, — сказала Дженни.

Мне хотелось спросить, почему им вообще должны звонить две женщины, которые случайно переночевали рядом с невестой. Но Нора не работала в агентстве и не придумывала его вопросы. Я убрала чек в свой маленький файл расходов.

Когда мы вышли на улицу, тепло сразу стало приятным. Я отодвинула сумку, посмотрела на брюки. Пятно перестало бросаться в глаза, если не знать точно, куда смотреть.

Дженни перевернула буклет, сверилась с улицей.

— Сначала магазин?

— Сначала в тень. Я хочу ещё раз посмотреть.

Мы остановились под навесом закрытого киоска. Я достала телефон и открыла фотографию маршрута, хотя часы на

ней не были изображены. Закрыла. Это было первое, что я сделала автоматически, без толку.

— У нас нет фотографии подарка, — напомнила Дженни.

— Знаю.

— У полиции есть.

— Поэтому мы посмотрим. И если что-нибудь будет понятно, сообщим.

Я показала ей мелкую картинку.

— Может быть, такие часы продаются сотнями. Мы их вообще видели меньше минуты.

Подруга кивнула.

— Тогда узнаем за пять минут и пойдём за помидорами.

Мне понравился этот план. В нём присутствовал выход.

От гостиницы до магазина было действительно близко. Мы миновали аптеку, свернули к небольшой площади, где несколько детей пытались пройти через струйки низкого фонтана, и увидели вывеску над зелёной дверью.

«Вторая полка» занимала первый этаж углового дома. Стёкла были чистые. У входа стояла табличка с часами работы, а ниже на отдельном листе — объявление о завтрашней ярмарке в Марин-Кроссе. Ярмарка называлась «Сад старых вещей». На картинке под деревом сидел человек с маленьким комодом на коленях. Судя по размеру комода, художник никогда не помогал никому переезжать.

В левой витрине лежали книги, две коробки с открытками, складной поднос. В правой стояли часы.

Я остановилась.

Они были очень похожи. Тёмное дерево, белый круг, маленькие ножки. Но над циферблатом у этих часов находилась золотистая птичка. Я не помнила никакой птички в коробке Вивьен.

Дженни подняла буклет рядом со стеклом.

— Это с фотографии?

— Возможно.

— Или другие такие же.

Я уже не чувствовала приятной уверенности, с которой умеешь опознавать свою вещь. Сумку я узнала бы. Футболку, наверное, тоже. Чужие часы я пыталась запомнить среди гораздо более насущных предметов, включая собственное бельё в чужих руках.

Мы вошли.

Над дверью звякнул колокольчик. Я сразу отодвинула сумку от полки с чашками. Пространство было небольшое, но не тесное: проход между стеллажами оставили достаточно широким. Здесь пахло деревом и бумажными коробками. В глубине мужчина в очках протирает тканью край блюда. На нём был длинный серый фартук.

— Добрый день.

— Здравствуйте, — ответила Дженни.

Я по привычке сначала огляделась, есть ли второй выход. Потом разозлилась на себя. Я пришла в магазин, а не на собственный допрос.

— Можно посмотреть часы в витрине? — спросила я.

Мужчина поставил блюдце.

— Конечно. Те, что с птицей?

— Да. И если есть похожие.

Он вытер руки, подошёл к витрине с внутренней стороны, открыл узкую дверцу и взял часы за корпус. Принёс на стол у стены. Дженни и я встали напротив.

— Можно брать, — сказал он. — Только не за верхнюю фигурку.

Я не взяла. На деревянном корпусе были потёртости, и мне хотелось посмотреть, не такие ли я видела у Коул. Но память упорно предлагала мне общую тёмную форму и белый циферблат, без мелких подробностей.

Дженни спросила цену. Мужчина назвал сумму. Она была меньше, чем я ожидала от свадебного подарка, но больше, чем теперь могла заплатить за предмет, показывающий, насколько мы задержались в городе.

— Старые? — спросила я.

— Не особенно. В стиле старых. Производство последних лет. Есть ещё двое, похожие. Одни без фигурки.

Он указал на верхнюю полку.

Я посмотрела туда. Там действительно стояли часы без птички. Почти такие, как в синей коробке.

— Можно и эти?

Мужчина принёс. Поставил рядом. Потом, заметив моё выражение лица, достал третьи, с более светлым деревом.

— Вы выбираете кому-то?

Я открыла рот и закрыла. Сказать «да» было бы просто. Это заняло бы одну секунду и привело бы к следующему вопросу, кому именно.

— Мы пытаемся понять, где могли купить похожие часы,

— ответила я.

— Здесь могли. Или в магазине декора на набережной. Они их тоже берут. У производителя есть разные корпуса, циферблат один.

Мужчина повернул вторые часы боком. Внизу находилась маленькая этикетка. Я прочла название мастерской, раньше мне неизвестное.

— Они все новые?

— Эти из витрины уже стояли у людей. Приносили на продажу. А такие же можно заказать новыми. Не редкая вещь.

Он сказал это совершенно спокойно. Ему было не жалко испортить нам впечатление от эксклюзивного предмета.

Дженни заметила:

— На фотографии в гостинице такие же.

— Это мой снимок. Правда, часы с него проданы. В объявлении у меня до сих пор есть кресло, которого нет с зимы. Надо заменить, но печать оплачена.

Я посмотрела на часы. У двух металлических ободок выглядел совершенно одинаково. От птички впечатление менялось сильнее, чем от всего остального.

— Значит, узнать конкретные по виду трудно.

— Если не знаете царапины, надпись или номер, трудно. Вы ищете украденные?

Я почувствовала, как Дженни рядом перестала двигаться.

Мужчина не повысил голоса. Он просто спросил, глядя на моё лицо, а не на часы.

— Возможно, — сказала я. — Но не у нас украли часы. Мы увидели похожие на фотографии. И решили проверить, хотя толком не запомнили.

— Понятно.

Он убрал руку с корпуса.

— Тогда не трогайте лишний раз, если сомневаетесь. Но уверяю, эти здесь не со вчерашнего дня.

— Мы не обвиняем вас, — сказала Дженни.

— Я понял. Вы вошли через дверь, попросили посмотреть. Обвинения обычно начинаются громче.

Я не смогла удержаться от улыбки.

Мужчина представился Лоуренсом Беллом. Магазин принадлежал ему, и в нём он работал сам, иногда с помощницей. Слова «иногда с помощницей» неожиданно сделали его ближе к Дженни. Она тоже знала, как меняется день, когда есть человек, которому можно доверить кассу.

— У нас странное утро, — сказала подруга. — Мы не хотели продолжать его здесь.

— За часы можно не беспокоиться. Я их получал в разное время. На эти есть документы от поставщика, на другие запись владельца. Если нужно полиции — скажут, посмотрим.

Я услышала знакомый правильный порядок и немного расслабилась.

Лоуренс перевернул часы, включил маленький рычажок. Они затикали слишком громко для такого маленького корпуса.

— Новая батарейка, — объяснил он. — Люди часто думают, что старый механизм, потому что тикает. Но внутри ничего древнего.

Дженни наклонилась.

— В наших вроде было тихо.

— Может, выключены. Или батарейка села.

Я вздохнула. Через каждую реплику предмет становился менее узнаваемым. Если бы мы продолжили ещё десять минут, часы могли превратиться в радиоприёмник без всякого преступного участия.

— Спасибо. Можно сфотографировать эти две модели? Чтобы объяснить, что здесь похоже, но мы не уверены.

— Можно. Ценники пусть остаются. И подпишите, что из магазина. Не хочу потом увидеть витрину в какой-нибудь истории про ограбление.

— Ничего не публикуем, — сказала Дженни.

Она сняла часы на столе так, чтобы были видны разные корпуса и этикетки. Я попросила добавить фотографию самой витрины, с вывеской. Для себя хотела сохранить разницу между «увидели» и «установили». Сегодня эти глаголы слишком легко менялись местами.

Лоуренс вернул часы на полки. Я поблагодарила и повернулась к двери.

В правой части витрины, которую часы до этого закрывали от нас своим тёмным корпусом, стоял серебристый чайник.

Я увидела его не сразу. Вытянутый носик, короткая крышка, ручка в виде согнутой ветки. Рядом лежала записка с ценой. Под чайником был такой же серебристый поднос.

Не тот блестящий тонкий поднос, с которого я подавала тарелки у Мэгги. Этот был тяжёлый, с узором по краю. Я остановилась, понимая, что мои пять минут закончились окончательно.

— Ещё что-то? — спросил Лоуренс.

Я оглянулась на Дженни. Она смотрела на чайник.

Майлз говорил про серебряный чайный набор. Вообще говоря, в мире существовало больше одного серебряного чайного набора. Мы уже убедились, что мир не обязан выдавать всякую похожую вещь нам в доказательство.

— Этот настоящий? — спросила я.

Лоуренс посмотрел, куда я показываю.

— Серебро? Да. Набор. Пока выставил только чайник и поднос, остальное упаковано.

— Он здесь давно?

— С этой недели.

Дженни придвинулась ближе к стеклу.

— Можно посмотреть?

Лоуренс замолчал. Потом спросил:

— Тоже искать будете?

Я почувствовала, как лицо нагревается.

— Мы не знаем. Нам назвали среди пропавшего серебряный набор, но мы его не видели. Извините. Это звучит гораздо убедительнее в голове, чем вслух.

Он посмотрел на меня, и я поняла, что именно сейчас решается, станем ли мы двумя неприятными посетительницами, которым лучше показать дверь.

— Есть изображение пропавшего? — спросил он.

— Нет.

— Описание?

— Только название.

— Тогда по каждому чайнику ходить придётся долго.

— Мы это понимаем.

Я уже хотела сказать Дженни, что идём, но Лоуренс поднял ладонь.

— Посмотреть можно. Обычный товар. Только не стоит сразу решать, что он чей-то из вашего случая.

— Не будем, — сказала я.

Он открыл витрину, осторожно перенёс поднос с чайником на стол. Подложил мягкую ткань, объяснил, что остальные предметы — молочник, сахарница и щипцы. Четыре предмета с подносом, пять, если считать щипцы отдельно. На боку чайника был вдавленный рисунок, несколько длинных листьев, пересекавшихся у основания ручки.

Я подошла ближе.

В металле отражалось моё лицо. Из-за выпуклого бока оно стало небольшим, растянутым и совсем не подходящим для серьёзного осмотра.

— Кто это покупает? — спросила Дженни. — В смысле, пользоваться можно?

— Можно. Некоторые берут для сервировки, другие в коллекцию. Этот без серьёзных повреждений. Но фотографию для покупателя я ещё не сделал, только поставил.

Он повернул поднос. На его нижней стороне обнаружились буквы. Я не успела прочесть, потому что Лоуренс сразу положил его обратно.

— Есть надпись?

— Да. На подносе. «Эдит. За все наши весны». Может мешать, если покупают в подарок. Но не всегда. Некоторым как раз нравятся такие следы.

Он повернул поднос ещё раз, удерживая за края. Надпись была аккуратная, тонкая, две строки. Ни свадебной даты, ни имён Вивьен и Майлза. Я даже испытала облегчение.

— Значит, он был у Эдит, — сказала Дженни.

— Вероятно. Я не знаком с первой хозяйкой.

Я смотрела на буквы. У меня дома имелась кружка, на которой ни одна линия не вышла ровной. Здесь кто-то когда-то отдал деньги человеку, умеющему гравировать, чтобы Эдит хранила их общие весны возле чайника.

Я не представляла этот поднос среди подарков паре, ещё

не успевшей провести вместе ни одного законного брачного дня. Но люди могли подарить семейную вещь. Или продать её, когда их собственных весен стало достаточно.

Лоуренс поставил чайник на место.

— Его принесли для продажи? — спросила я.

— На комиссию. Я не выкупал.

— А можно узнать, кто принёс?

Он покачал головой.

— Покупателю личные данные сдатчика не нужны. Сотрудникам полиции, если есть основание, документы покажу.

— Понятно.

Мы замолчали. Лоуренс стоял спокойно, не убирал товар и не предлагал сделать скидку, чтобы поскорее выпроводить нас. Я чувствовала себя неловко. Он же вполне мог просто продавать чужой законный чайник, пока мы придумывали ему отношения с беглой невестой.

— Давайте так, — сказала я. — Мы сообщим, что видели набор здесь. Без утверждения, что он пропавший. Если с вами свяжутся, объясните сами.

— Так разумнее.

— Можно фото? С вашего разрешения.

Лоуренс помедлил, затем кивнул.

— Чайника и надписи. Не бумаги в папке. И без публикации.

Я сняла. На втором кадре случайно отразилась моя рука с

браслетом, и я пересняла, отступив немного. Поднос не трогала. Дженни записала название магазина и адрес с буклета.

— Отправлять сейчас? — тихо спросила она.

— Да.

Я написала Коул сама, со своего номера, чтобы не превращать телефон подруги в общий рабочий аппарат. Сначала про часы: похожие серийные модели, хозяин показал несколько, опознать не можем. Затем про набор: увидели в витрине, по словам хозяина поступил на этой неделе, на подносе надпись, приложила снимки с разрешения.

Перед отправкой перечитала. Ни слова о том, что поймала преступника. От этого сообщение выглядело скучнее, зато я могла ответить за каждую его строчку.

Лоуренс тем временем завернул щипцы, которые доставал из коробки для показа. Я заметила на стене рядом с кассой такую же афишу ярмарки, как у входа. Там был указан Марин-Кросс и время с десяти до пяти.

— Вы завтра там будете? — спросила Дженни.

— Да. У нас один стол на двоих с реставратором. Магазин утром откроет помощница, после обеда я вернусь.

— Это далеко?

— Отсюда минут сорок по береговой дороге. В выходной медленнее.

Дженни достала телефон с маршрутом. Я посмотрела на её экран. Следующая гостиница Вивьен находилась в Марин-Кроссе. Ярмарка сама по себе к маршруту не относи-

лась, но город уже был знакомым.

Подруга убрала телефон, не стала показывать его Лоуренсу.

— А этот набор на ярмарку повезёте?

— Возможно. На него должны посмотреть. Сегодня сдатчик обещал уточнить, оставлять здесь или забирать. Обычно я не перемещаю товар, пока не договоримся.

Мне показалось, что срок «сегодня» возник в нашей жизни уже слишком много раз. Сегодня Вивьен должна была забрать отправление. Сегодня у Норы разные указания ресторана. Сегодня кому-то требовалось уточнить, куда поедет серебро. Но город жил и без нас: продавцы принимали решения ежедневно, не согласовывая их с моим чувством тревоги.

Телефон завибрировал. Коул написала, что получила сведения, просит оставаться доступными и не выяснять личные данные у работников магазинов.

Я показала ответ Дженни.

— Всё. Мы сообщили.

Подруга кивнула.

Лоуренс спросил, надо ли ждать кого-нибудь. Я ответила, что пока нет, мы не знаем, будет ли вообще проверка.

— Хорошо, — сказал он. — Телефон магазина на карточке. Пусть звонят, если нужно.

Он дал ещё одну визитку. Я убрала её рядом с гостиничной. Неожиданно выяснилось, что у нашего путешествия по-

явилась отдельная коллекция маленьких прямоугольников, по которым можно было восстановить, почему мы не дошли до магазина с помидорами.

У двери Дженни остановилась перед афишей.

— Как зовут реставратора, с которой у вас стол?

— Эдит Уолш. Она делает рамки, мелкую мебель, иногда работает с серебром, когда нужно подобрать крепление. Сам металл не реставрирует. Но владельцев вещей помнит лучше меня.

Я посмотрела на подругу.

Лоуренс заметил наши лица и сразу добавил:

— С надписью это может не иметь отношения. Эдит не одна на свете.

— Да, — сказала я. — Сегодня мы это выучили на часах. Он улыбнулся.

— Её карточка на афише. Завтра сама будет с утра.

Дженни сфотографировала афишу. Мы наконец вышли.

На площади дети всё ещё бегали между струями. Один засмеялся так громко, что женщина на скамейке тоже улыбнулась, хотя не смотрела в его сторону. Я задержалась на секунду. Было приятно видеть людей, чьи мокрые брюки никто не пытался истолковать.

— Ну? — спросила Дженни.

— Ну, чайник.

— И Эдит.

— И куча других людей, которых могут звать Эдит.

— Я понимаю. Но мы завтра и так едем через этот город.

Я посмотрела на фотографию афиши. Тёмные ветки дерева, странный маленький комод, адрес на нижней строчке.

— Сначала дожждёмся ответа, — сказала я. — И купим наконец продукты.

На этот раз Дженни не предложила ещё один магазин старых вещей. Мы повернули к улице, где виднелась зелёная вывеска овощной лавки.

В овощной лавке не было ни серебра, ни часов, ни фотографий молодожёнов. Были ящики, ценники и женщина, которая попросила не складывать персики в пакет вместе с банками. Я уже успела сложить один.

Мы купили помидоры, хлеб, сыр, яйца, йогурт, немного риса и зелени. Подруга настояла на рыбе, которую можно было приготовить быстро. Я взяла два персика. Чужая свадьба не имела права лишать меня ещё и персиков.

У кассы Дженни посмотрела на корзину.

— В холодильник всё войдёт?

— Если рыба не требует отдельной спальни.

— Пэм.

Я переставила упаковку, посмотрела на неё внимательнее.

— Войдёт. У нас там почти пусто. А овощи не все надо охлаждать.

Продавщица дала нам отдельный маленький пакет для фруктов. Я держала его так бережно, словно персики могли дать показания.

Покупки оказались тяжелее, чем обещала корзина. Пока ходили по лавке, вес распределялся между колёсиками и нашими намерениями. На улице вес пришлось взять в руки.

Дженни несла основной пакет, я — второй и фрукты. Порт-Белл был достаточно небольшим, чтобы большой автомобиль удобно стоял за пределами узких улиц, но достаточно большим, чтобы продукты успели напомнить об этом преимуществе.

На площади я предложила поменяться.

— У тебя тяжёлый, — сказала подруга.

— У тебя тоже.

Мы поменялись. Через десять шагов стало ясно, что тяжесть не уменьшилась. Просто у меня теперь ещё торчал из пакета хлеб, который я боялась задеть о прохожих.

— Зато я могу посмотреть на море, — сказала Дженни.

— Смотри за двоих.

Она улыбнулась, но потом предложила остановиться на скамейке. Я с удовольствием согласилась.

Скамейка была обращена к воде. Внизу маленькая лодка стояла у лестницы, хозяин перекладывал в неё что-то из ведра. По набережной шли люди с полотенцами и мороженым. Я поставила пакеты между ног, взяла персик и посмотрела на него.

— Помыть негде, — напомнила Дженни.

— Я просто держу.

Она достала воду.

— Можно ополоснуть.

— Из нашей бутылки?

— Мы другую купили.

Я вспомнила, что действительно положила в корзину воду, пока подруга выбирала рыбу. Небольшой поступок из моего собственного дня, который я успела забыть среди чужих показаний.

Мы ополоснули персики над водостоком, вытерли салфеткой и съели. Они оказались спелыми, сок потёк у меня между пальцами. Я не стала пытаться сохранить идеальный вид. Если от меня сегодня всё равно отмывают следы воды в ресторане, один фрукт погоды не изменит.

Дженни повернула лицо к морю. Волосы у виска сразу поднялись ветром.

— Красиво здесь.

Я посмотрела туда же.

Вода возле берега была светлая, дальше темнела. За волнорезом медленно двигалась лодка с парусом. На стене напротив кто-то повесил полотенце с изображением ананаса.

— Да.

Несколько минут мы сидели без разговора. Доели фрукты, убрали косточки в пакет, выпили воды. За это время никто не назвал нас виновными в чём-либо. Я начала подозревать, что отпуск всё ещё возможен, если время от времени ничего не предпринимать.

Телефон подруги зажужжал. Я сразу посмотрела, но это

было напоминание о сегодняшней стоянке.

Дженни раскрыла подтверждение.

— «Сосновая терраса». Участок восемь. До восьми можно приехать, потом надо звонить. Сейчас половина шестого.

— У нас меньше часа дороги?

— Даже меньше, если не застрянем на выезде.

— Тогда пойдём.

Мы подняли пакеты. Персигов больше не было, но суммарный вес почти не изменился. Я объяснила это несправедливостью устройства фруктов.

У автодома на парковке стоял другой туристический автобус. Его дверь была открыта, люди по одному выходили на воздух. Я задержалась, пока женщина с маленьким чемоданом прошла мимо. Потом подошла к нашей двери и достала ключи.

Автодом был на месте. На стёклах — ни записок, ни следов чужих пальцев, на зеркале — невесты. Я не знала, чего именно ожидала увидеть, но обнаружить просто нашу машину было приятно.

Внутри пахло нагретой тканью и купленным утром мылом. Дженни открыла боковое окно, я поставила продукты на стол.

Мы убрали всё, что требовало холодильника, отдельно сложили хлеб и овощи. Я сунула зелень в высокий контейнер и обнаружила, что крышка не закрывается.

— Подрежь стебли, — сказала Дженни.

— Я не хотела ничего резать до ужина.

— Тогда положи контейнер боком.

— С зеленью и водой?

Она посмотрела на меня.

— Без воды.

Я вылила воду, положила зелень, закрыла. Работа занимала полминуты, когда ею руководил человек, не считавший любую ёмкость вазой.

Подруга достала свои новые вещи из тёмно-синего рюкзака. Я — из зелёного. Хотелось наконец снять старую футболку, которая провела со мной полицейское утро, магазин, дорогу и ресторан. Мы по очереди переоделись за шторкой, не открывая дверь. Я надела новую синюю футболку. Брюки оставила прежние: они высохли, а новые шорты предпочла пока не объявлять универсальным решением всех обстоятельств.

Дженни сложила старую одежду в пакет для стирки. Он всё ещё принадлежал нам. Неудачно распахнутый на кровати, он выглядел ничуть не менее полезным, чем украденная большая сумка.

Я проверила конверт Вивьен, положила его в прозрачную обложку вместе с визиткой гостиницы. Чеки вынула оттуда в другой файл. За один день мне впервые понадобилось разделить бумажки по содержанию, а не по принципу «влезло — хорошо».

— Передашь мне, если надо будет говорить с полицией?

— спросила Дженни.

— Конечно.

— Я просто хочу знать, где он.

— В моей личной сумке. В отделении с документами, но отдельно.

Она кивнула. Мы перестали прятать важные вещи друг от друга даже случайно.

К выезду Порт-Белл уже стоял в небольшом заторе. За руль села я. Дженни настроила путь, убрала покупки из прохода, проверила шкафы. Мы не спешили. Последний автобус на парковке выезжал впереди, и я позволила себе держаться за ним до широкой дороги.

— Не прижимайся, — сказала Дженни.

— Я не собиралась.

— Знаю. Там скутер справа.

Я посмотрела. Скутер действительно проезжал между рядами, водитель двигался медленно и осторожно. Я осталась на своей полосе, подождала, пока он уйдёт вперёд.

Когда выбрались из города, дорога снова пошла вдоль воды. Я немного ослабила пальцы на руле. У Дженни были две карты — бумажная и в телефоне, но все решения о машине приходилось принимать мне. Этого хватало, чтобы перестать разбирать фразы Вивьен хотя бы на двадцать минут.

Дженни не молчала из обязанности. Показывала мне причудливо подрезанные деревья у гостиницы, спросила, хочу ли вечером пройтись к воде, если будет дорожка. Я ответи-

ла, что хочу. Не обещала, что смогу после ужина, но хотела совершенно определённо.

На повороте к «Сосновой террасе» стоял большой знак. Маленький дополнительный указатель предлагал короткий подъезд, но на нём был изображён легковой автомобиль. Мы поехали по основному.

— Там короче, — заметила Дженни, — но я даже не собиралась предлагать.

— Спасибо.

Подъезд оказался неровный. Я снизила скорость, и несколько помидоров в ящике позади тихо постучали друг о друга. Ни один шкаф не распахнулся. Подруга всё убрала правильно.

Кемпинг стоял на склоне, среди сосен. Между участками были невысокие кусты, вниз уходила широкая дорожка. На входе нас встретил мужчина в зелёной рубашке, с маленьким фонариком на поясе. Он представился Феликсом и спросил, по брони ли мы.

Дженни назвала фамилию. Я вынула документы, но он попросил сначала заехать на свободное место перед конторой, чтобы не стоять у ворот. Это был хороший совет. Я привыкла тянуться к бумагам прежде, чем заканчивать парковку.

Мы остановились, выключили двигатель и вышли. Феликс сверил данные, показал участок восемь. Место находилось недалеко от санитарного здания, немного выше прогулочной дорожки. С одной стороны там уже стоял длинный автодом с

двумя велосипедами сзади. С другой участок пока оставался пустым.

— Вода там, электричество у вашей стойки, — объяснил он. — Мусор возле въезда. К берегу можно по дороге, минут десять. После темноты лучше с фонарём.

Я невольно посмотрела на сосны, на белые машины среди стволов. Здесь не было видна усадьба со свадебным навесом. Это уже делало место привлекательнее.

Феликс дал лист с правилами, показал, где отмечено время выезда. Мы внесли необходимую оплату. Я убрала квитанцию в файл расходов, который начал заметно толстеть.

Когда вернулись к машине, Дженни вышла показать мне, как встать. Мы уже умели обходиться без криков. Она убедилась, что никого нет за автодомом, подняла ладонь, затем показала небольшое смещение. Я выровняла машину, остановилась.

На участке земля немного уходила вниз. Феликс, проходивший мимо, посоветовал переставиться ближе к задней границе: там площадка ровнее. Я переставилась. Думала попросить Дженни сделать это самой, но решила, что одна передача рулевого колеса ради двух метров утомит нас сильнее.

Наконец двигатель замолчал. Я ещё несколько секунд сидела, не отстёгивая ремень.

— Вышло, — сказала подруга.

— Да.

— Ты хорошо поставила.

Я посмотрела на куст за окном. Между ним и машиной оставалось достаточно места, не потребовалось ни продавливания веток, ни последующих объяснений.

— Я начинаю верить, что мы вернём его целым.

— Я верила с самого начала.

— Тогда тебе легче.

Она улыбнулась и открыла свою дверь.

Вечерний воздух здесь был прохладнее. Сосны шумели, где-то хлопнула дверца. С соседнего участка доносился запах жареного лука. У меня с такой силой возникло желание поесть, что я решила не тратить его на обсуждение чужой свадьбы.

Мы поставили два стула и столик. Подключили электричество, сверившись с инструкцией и расположением стойки; Феликс проверил, что кабель не пересекает дорожку. Маркизу снова оставили в покое. Тени от деревьев хватало, а наши способности к освоению новых механизмов за день истратились.

Дженни начала готовить рыбу. Я нарезала помидоры. На этот раз нож ничего не испачкал, зато один круглый помидор покатился к краю и был пойман коленом. После этого я поставила рядом миску.

Подруга приоткрыла окно над кухней.

— Нужно сначала ещё рис?

— Нет. Хлеб есть. Рис завтра.

— Я тоже не хочу долго.

Она положила рыбу на сковороду, я занялась тарелками. Две обычные тарелки из проката, два прибора, два стакана. Я не стала искать салфетки, сложенные сердечками. Из бу-
мажного рулона оторвала по одному квадрату.

Со стороны соседей подошёл маленький мальчик, остано-
вился у нашего участка и посмотрел на стол.

— Это ваше?

Я посмотрела на тарелки.

— Да.

Он указал ниже. Там лежал детский мяч, полосатый и
слегка спущенный.

— Нет. Наверное, твой.

— Мой.

Он забрал мяч и ушёл, даже не пытаясь убедить меня, что
его случайно перепутали с чемоданом. Мне понравился этот
ребёнок.

Дженни вынесла сковороду на подставке. Я подождала,
пока она поставит её, потом разлила воду. Мы сели.

Из-за неровной земли столик чуть качнулся. Я придержи-
ла его ногой, подруга проверила опору. Одно крепление не
было защёлкнуто до конца. Она подняла край, я придержала
тарелки, и положение наконец стало устойчивым.

— Вот теперь, — сказала Дженни.

Я начала есть.

Рыба получилась не такой красивой, как в ресторане: один

край развалился, лимона мы забыли купить. Зато у нас не было ни соседней съёмки, ни подозрительно подходящей корзины, ни чужого чайника. Существовала только рыба, помидоры и вечер.

Я съела почти половину порции прежде, чем заговорила.

— Спасибо, что приготовила.

— Ты нарезала.

— Это не одно и то же.

— Ты сегодня вела.

Мы посмотрели друг на друга и вдруг обе улыбнулись. Делить день по полезным действиям было гораздо приятнее, чем по тому, кто первый допустил невесту внутрь.

Над столом пронёсся сосновый игольчатый комочек. Я поймала его прежде, чем он упал в рыбу. Сначала хотела пожаловаться, затем просто положила на землю.

За кустом женщина на соседнем участке позвала мальчика с мячом. Он прибежал, несомненно уже забыв о нашей маленькой встрече. Я подумала, что хорошая помощь иногда именно так и выглядит. Короткая, понятная, заканчивается возвращённым мячом.

Мы убрали посуду, когда начало темнеть. Я помыла тарелки, Дженни вытерла стол. Прогулочная дорожка была совсем близко, и отказаться от неё не хотелось.

— Возьмём фонарь? — спросила подруга.

— Возьмём. Родители не зря привезли.

Я достала его, проверила свет. Фонарь работал. Заодно

проверила телефон: там было два сообщения от матери, одно от Джошуа и ничего от Вивьен.

Матери я пообещала вечером позвонить. Джошуа написала, что доехали и едим, машину поставила сама. Он ответил почти сразу: «Значит, вечер уже лучше».

Я показала Дженни.

— Лучше, — согласилась она. — Не потому, что ты поставила.

— Давай оставим ему эту версию.

Мы закрыли машину и пошли вниз. В сумке у меня лежали телефон, ключи и конверт. Брать конверт на прогулку было не особенно разумно, но оставлять его там, где утром исчезли мои вещи, пока я ещё не умела. Завтра, наверное, стало бы проще. Сегодня я несл.

Дорожка проходила между деревьями, затем выходила к невысокой каменной стенке. За ней лежал небольшой пляж. Спуска к нему с этого места не было: дальше по тропе виднелись ступени. Мы не пошли туда, остановились у стенки.

Внизу двое людей сидели возле воды. На другом конце пляжа мужчина складывал удочку. Море шумело ровно, без драматических обещаний.

Дженни облокотилась на камень.

— Вот этого я хотела.

Я встала рядом.

— Примерно этого.

— А ты?

Я посмотрела на свои руки. На пальце ещё оставался маленький след от персикового сока, хотя я мыла их после ужина. Я потёрла его большим пальцем.

— Я хотела не считать, когда мне снова надо выйти на работу.

Подруга повернулась.

— Ты и сейчас не считаешь.

— Теперь считаю, сколько вещей можно купить, прежде чем придётся работать ещё одну смену.

— Пэм.

Я вздохнула.

— Я знаю. Мы справимся. Я не говорю, что всё пропало. Она отвернулась к морю. Через несколько секунд спросила:

— Завтра будем искать Эдит?

Я не сразу ответила.

На горизонте шёл большой тёмный корабль. Я не знала, куда. В этом было что-то удобное: ему не требовалось объяснять своё направление двум женщинам у каменной стенки.

— Если полиция скажет, что стоит уточнить, — ответила я. — И если мы сами захотим. Но не будем весь день ходить с фотографией чайника, забыв про сумку.

— Я хочу узнать, что там с набором. И хочу вернуть одежду.

— Я тоже.

— Значит, зайдём на ярмарку. Она завтра, по дороге. Да-

же если окажется, что это чужой чайник.

Я подумала. У ярмарки были часы работы, адрес, продавцы. Это отличалось от поисков неизвестной женщины по всему побережью. Мы всё равно направлялись через Марин-Кросс. Можно было остановиться ненадолго. И можно было уехать, если ничего не выяснится.

— Только ненадолго, — сказала я.

Дженни посмотрела на меня, потом на часы.

— Помнишь пять минут в магазине?

— Помню. Поэтому уточняю: ненадолго по нормальному времени, а не по времени «Второй полки».

Она засмеялась.

В кармане сумки зажужжал телефон. Я достала его, ожидая очередного ответа матери. На экране было сообщение с незнакомого номера, но имя отправительница написала в первой строке.

«Добрый вечер. Это Селия Блейк. Уточните, пожалуйста, сохранились ли у вас документы, оставленные Вивьен. Нужно согласовать отмену дальнейшего обслуживания».

Я прочла вслух.

Дженни взяла мой телефон, посмотрела номер.

— Это мобильный. Она в конце разговора говорила, что сможет написать, если будут уточнения.

Я вспомнила. Имя и фамилию мы назвали, номера оставили для связи. Поэтому сам факт сообщения ничего не доказывал.

Но вечером, у моря, оно оказалось неприятнее, чем могло быть за столом.

— Какие документы? — спросила подруга.

— Она не уточнила.

— Напиши, что маршрут передан полиции, фотографии у нас.

Я набрала. Потом остановилась.

— Письмо упоминать?

Дженни посмотрела на мою сумку.

— Не обязаны. Коул сказала сохранять оригинал.

— Да.

Я отправила только про маршрут. Селия ответила быстро: «Благодарю. Если найдёте иные поручения или записки, сообщите. После изменения планов важно не выполнять устаревшие указания».

Я держала телефон и смотрела на слова.

В письме Вивьен было сказано, что она чего-то не подписывала. Селия пока не знала, что мы прочли это письмо. Во всяком случае, не сообщила, что знает. И просила не выполнять устаревшие указания, хотя мы не собирались выполнять даже новые, если они касались чужих подарков.

— Мне не нравится, — сказала Дженни.

— Мне тоже. Но это может быть про отменённые поездки.

Я не стала продолжать переписку. Переслала снимки сообщений Коул, пояснила, что письмо агентству не передавали и о нём не рассказывали.

Подруга стояла рядом, пока я печатала. Потом мы убрали телефоны и ещё немного смотрели на воду. Вечер не закончился от того, что кто-то хотел согласовать обслуживание. Я старалась не отдавать ему всё оставшееся время.

Когда вернулись, на участке горел наш наружный маленький свет. Окна соседней машины были занавешены, за кустом кто-то тихо смеялся. Дверь автодома открылась своим ключом. Внутри всё стояло на месте.

Я переставила личную сумку на сиденье и вдруг почувствовала, что очень устала. Не драматически, не до слёз. Просто ноги хотели перестать держать меня, а руки — складывать бумагу.

Дженни предложила чай. Я согласилась.

Она поставила воду, я убрала стулья ближе к машине. Столик оставили на участке, убедились, что он не мешает проходу и ничего лёгкого на нём не лежит. Вчера я доверила ночь совершенно чужому человеку. Сегодня придирчиво выбирала место для складного стула. Приходилось начинать с того, что поддаётся перестановке.

Мы сели внутри, на передних сиденьях за столом. Он ещё раз напомнил мне о постели Вивьен, но теперь на нём стояли наши стаканы и пакет печенья. Дженни взяла два, протянула одно мне.

— Завтра можно постирать старые вещи, — сказала она.
— Здесь есть прачечная.
— Утром посмотрим, свободно ли. Наши новые всё равно

надо ополоснуть, этикетки ужасно пахнут магазином.

— На ярмарку тогда позже.

— Это хорошо.

Она кивнула. Никто не собирался начинать следующий день бегом за чужим серебром.

Я позвонила матери. Дженни вышла к дверце, чтобы коротко поговорить со своей, но далеко не уходила. Я рассказала о ночной госте, пропавшей сумке, полиции. Не стала начинать с жениха и похищения, иначе мать не дослушала бы до того места, где мы уже свободно купили помидоры.

Она всё-таки спросила, не надо ли приехать.

— Нет. Мы в кемпинге. У нас еда и одежда.

Мать замолчала, потом попросила перечислить, что купили. Я назвала вещи. Пришлось сказать про жёлтое платье.

— Это не самая необходимая покупка, — заметила она.

— Я знаю. Но оно недорогое.

— Ты не обожглась? Рыбу готовили?

— Дженни готовила. Я резала помидоры.

— Тогда хорошо.

Я не выясняла, что именно хорошо: моё отсутствие у скоророды или факт ужина. Попросила передать отцу, что фонарь пригодился. Мать сказала, что он рядом, и передала трубку.

Отец спросил про машину. Я ответила, что едет нормально, никаких новых повреждений. Он не стал читать мне лекцию о посторонних людях. Только сказал, чтобы документы

оставались со мной и чтобы я не стеснялась обратиться к сотрудникам, если кто-то снова будет обвинять.

Потом заметил:

— Браслет держится?

Я посмотрела на запястье.

— Держится.

— Хорошо.

Мы попрощались. После разговора я несколько секунд смотрела на маленькую отремонтированную застёжку. Мне захотелось быть дома, но именно на минуту: выпить из своей кривой чашки, услышать, что в комнате Дженни кто-то ищет зарядку, и снова оказаться здесь, уже без утреннего происшествия. Вернуться совсем я не хотела.

Подруга вошла.

— Мои тоже предложили приехать.

— Это родительская программа обслуживания.

— Да. Папа сказал, что по телефону они могут помочь.

Мама спросила, почему я не взяла запасную одежду отдельно.

Я посмотрела на наши рюкзаки.

— Теперь взяла.

Дженни села, обхватила стакан.

— А Мара пишет, что касса сошлась. Всё закрыла.

— Хорошо.

— Да.

Она не ответила немедленно. Сначала допила чай, потом

написала сотруднице спасибо. Я подумала, что для Дженни этот отпуск оказался не только поездкой на машине. Ей приходилось каждый вечер узнавать, что маленький магазин может существовать без её постоянного присутствия. И не бежать исправлять это полезное открытие.

У меня зазвонил телефон. Номер Коул я уже сохранила. Я подняла трубку.

Сержант сказала, что связались с Норой. Запись о выдаче отправления сохраняется, по письму тоже уточняют обстоятельства. Оригинал можно завтра утром оставить в гостинице в закрытом конверте для сотрудника полиции. Нора будет на смене, предупреждена. Если нам удобнее привезти в отдел, она даст адрес. Никто не требовал от нас менять маршрут сегодня ночью.

Я выбрала гостиницу: мы могли вернуться туда утром, по дороге из кемпинга. Коул попросила сообщить перед выездом и не оставлять письмо на общей стойке без передачи конкретному сотруднику.

— Норе лично, — повторила я.

— Да. Она оформит получение для нас. И ещё, Памела. По вашему сообщению о магазине будут уточнения. Не обсуждайте с агентством снимки набора, пожалуйста.

— Мы не обсуждали.

— Я поняла. Сейчас проверяем, имеет ли вещь отношение к заявленным пропажам.

Я посмотрела на Дженни. Подруга перестала перебирать

край пакета печенья.

— Часы, скорее всего, обычные, — сказала я. — Нам показали три похожих.

— Вы так и написали. Это полезное уточнение.

Мне стало приятно, хотя хвастаться было нечем. Мы вошли проверить часы и убедились, что память не является фотографией. Полезный результат, просто недостаточно блестящий для человека, который целый день чувствовал себя глупо.

Коул помолчала, будто сверялась с чем-то.

— Есть женщина, которая может помочь опознать набор. Она согласилась говорить с нами, видела снимки. Если вы не возражаете, передам ей ваш номер. Она хочет уточнить, где стоял предмет и что вы успели увидеть. Отвечайте только о своём посещении, не обсуждайте предположения о Вивьен.

Я посмотрела на Дженни и закрыла микрофон ладонью.

— Женщина по чайнику. Можно дать ей мой номер?

— Если через Коул, — ответила подруга. — Но не будем пересказывать чужие разговоры.

Я вернулась к звонку.

— Можно. Я скажу только про магазин.

— Хорошо. Её зовут Эдит Уолш. Возможно, уже слышали имя.

Я подняла глаза. Дженни сразу поняла по моему лицу, что речь не о случайной однофамилице на другом конце побережья.

— В магазине есть афиша ярмарки, — сказала я. — Хозяин назвал её. Мы собирались завтра зайти.

— Это ваше решение. Пока никаких поручений вам не даю. Если она позвонит, вы можете не говорить сейчас и договориться на другое время.

— Я поняла.

Мы попрощались. Я положила телефон на стол.

Дженни смотрела на него.

— Эдит с подноса?

— Пока не знаю. Эдит с ярмарки.

Я повторила слова Коул. Подруга спросила, будет ли полиция забирать набор. Я ответила, что не знаю. Нам не сказали. И я не стала спрашивать по телефону то, что не могла сделать сама.

Вода в стакане успела немного остыть. Я допила и взяла ещё одно печенье. Оно раскрошилось у меня в пальцах. Крошки посыпались на стол.

— Я устала, — сказала я.

— Я тоже.

— Можно после звонка перестать сегодня что-нибудь выяснять?

— Можно и до звонка. Ты же слышала.

Я кивнула. Именно это мне и требовалось: напоминание, что разговор не обязан поглотить остаток вечера только потому, что телефон работает.

Но когда он снова зазвонил через несколько минут, я всё-

таким ответила.

Голос был низкий, чуть хриловатый. Женщина сначала назвала себя, потом уточнила, Памела ли я. Я подтвердила. Дженни тихо убрала со стола стаканы, но осталась сидеть рядом.

— Сержант дала ваш номер с разрешения, — сказала Эдит. — Не слишком поздно?

— Нет. Мы на стоянке, уже приехали.

— Хорошо. Скажите, вы видели весь набор?

Я объяснила: в витрине были чайник и поднос, Лоуренс показывал щипцы и говорил о сахарнице с молочником. Остальные вещи мы не рассматривали. Отправили фотографии чайника и надписи.

Женщина выслушала, не перебивая.

— На ручке два листа сходятся вниз? Не один большой, а два узких.

Я посмотрела на снимок в своём телефоне, не прерывая звонок. Открыть его оказалось неудобно, и я передала аппарат Дженни, включив громкую связь с разрешения Эдит. Подруга вывела фотографию на экран.

— Да, — сказала я. — Два.

— И у края крышки маленькая вмятина? Со стороны ручки.

Я приблизила. Вмятина была едва заметная. При осмотре я её вообще не увидела, потому что смотрела на носик и рисунок.

— На фотографии есть неровность. Мы не проверяли.

— Не надо было. Вы не обязаны.

Эдит помолчала. В тишине слышалось, как где-то у неё стучат мелкие предметы. Возможно, она убирала инструменты. Возможно, я просто снова искала занятие для чужого голоса.

— Лоуренс знает, что вы сообщили? — спросила она.

— Да. Мы спросили разрешение снимать и сказали, что не уверены, но передадим сведения полиции.

— Правильно. Он не дурак. И не вор, сколько я его знаю. Только слишком верит накладным, когда они аккуратно напечатаны.

Я не ответила. Мне не хотелось начинать наш первый разговор с согласия на чужое обвинение, даже небольшое.

Эдит сама продолжила:

— Это я разберусь с ним. Вас зачем держать. Я звонила уточнить, есть ли там поднос. Вы подтвердили. Спасибо.

Я посмотрела на имя в записанной карточке афиши.

— На нём ваше имя?

— Моё.

Дженни перестала увеличивать фотографию.

— Набор принадлежит вам? — спросила я.

Женщина выдохнула. Потом сказала медленно, будто подбирала не слова, а порядок, в котором теперь всё придётся повторить:

— Принадлежал. Его мне подарил муж. Очень давно.

Надпись он сам придумал, по нашей первой поездке весной. Я вчера подарила этот набор Вивьен на свадьбу.

Я положила свободную руку на стол.

За окном кто-то включил музыку, сразу сделал тише. Сосны по-прежнему шумели. Рыба давно была съедена, стулья стояли у стенки, завтрашнюю стирку мы ещё не отменяли. Всё вокруг продолжало быть нашим обыкновенным вечером.

— Вчера? — переспросила Дженни.

— Да, — ответила Эдит. — Я отдала его заранее, через организаторов. Вчера пришла на церемонию. Для подарка положила записку, без старой надписи это всё равно была бы моя вещь. Вивьен знала, что я собираюсь подарить. Она в детстве видела у меня этот чайник и каждый раз спрашивала, почему у него листья вместо ручки.

Я смотрела на изображение этих листьев. Теперь это была подробность, которую помнил человек, а не общие слова Майлза о серебре.

— Значит, вы знакомы с ней давно.

— Да. С её матерью дольше, чем с ней. Но я вам звоню не просить защитить Вивьен. Я не знаю, что она сделала. Мне объяснили только, что вы видели набор.

Я почувствовала облегчение. Мне не хотелось обсуждать с подругой матери невесты, достаточно ли серьёзным проступком является исчезновение чужих купальников.

— Мы видели, — сказала я. — Всё остальное уже у по-

лиции.

— Хорошо.

В её голосе появилась твёрдость, похожая на Норину, когда та отказывалась выдавать нам данные отправления.

— Вы завтра будете в Марин-Кроссе? На афише мой номер, Лоуренс сказал сержанту, что показывал её вам.

— Собирались ехать через город.

— Я с утра на ярмарке. У третьего входа, под каштаном. Табличка с моей фамилией. Если захотите подойти, я буду. Не за объяснениями про свадьбу. Покажу фотографию набора целиком, вдруг вспомните что-нибудь ещё. И поговорим нормально, без телефона между нами.

Я посмотрела на Дженни. Она кивнула, но не стала отвечать за меня.

— Мы постараемся зайти, — сказала я. — Точное время пока не знаю.

— Не нужно точного. Я никуда не денусь до пяти. И не приезжайте голодными, там очередь за едой обычно длиннее, чем за старыми стульями.

Впервые за разговор я улыбнулась.

— Мы купили продукты.

— Это разумно.

Мы попрощались. Женщина не попросила нас взять ей чайник, отвлекать продавца или изображать покупателей. Дала адрес, который уже был на афише, и решила заняться своим подарком сама.

Телефон замолчал.

Дженни аккуратно вернула его мне.

— Лоуренс сказал, с этой недели.

Я кивнула.

— Эта неделя могла включать сегодняшнее утро.

— Но она отдала заранее.

— А церемония была вчера.

Мы посмотрели на фотографию ещё раз. Я не знала, в какой день набор оказался в магазине. Лоуренс не назвал. Не знала, кто его принёс. Не знала, могла ли Вивьен забрать его раньше, продать, а потом прийти к нам с другими коробками. Не знала даже, узнала ли Эдит свой набор правильно, хотя листья, надпись и вмятина больше не выглядели случайным сходством.

Зато теперь у нас был человек, который помнил эту вещь не одну минуту.

Я коротко сообщила Коул, что Эдит позвонила, уточнила виденные предметы и пригласила подойти завтра к своему столу на ярмарке. Потом выключила звук у сообщений, оставив звонки слышными, и убрала телефон.

— На сегодня всё, — сказала я.

Дженни поднялась.

— На сегодня всё.

Мы подготовили постель. Обычную заднюю, для нас двоих. Передний стол так и остался столом. Я убрала с него печенье, протёрла крошки, проверила, закрыта ли дверь.

Дженни поставила обувь рядом, не в проходе.

У зеркала я задела браслетом край футболки. Застёжка держалась, ткань не порвалась. Я осторожно высвободила нитку. Новая футболка пахла магазином, и завтра её действительно стоило выстирать.

Подруга погасила свет над кухней, оставила маленький у кровати. Я положила сумку с письмом рядом со своим местом, где могла дотянуться рукой. Не потому, что ожидала ещё одну кражу. Просто завтра оно должно было попасть к Норе, и я хотела помнить, куда положила.

Дженни устроилась у стены. Я легла с краю.

Некоторое время мы слушали сосны.

— Пэм, — сказала подруга.

— Что?

— Если она попросит прощения, это ведь не значит, что ты должна сразу её простить.

Я повернула голову. В слабом свете было видно только половину её лица.

— Я знаю.

— Я просто подумала. Сама себе тоже говорю.

Я кивнула и легла обратно.

— Пусть сначала вернёт сумку.

— Пусть.

Мы замолчали. На соседнем участке тихо закрыли дверь. У дороги кто-то прошёл с фонарём; луч скользнул по потолку и исчез.

Я закрыла глаза. До утра больше не нужно было вести машину, выбирать новое бельё, предъявлять паспорт или доказывать, что добровольно оставленная корзина не является нашей.

Завтра мы постираем футболки. Передадим письмо. Поедем в Марин-Кросс. Там под каштаном будет ждать женщина, которая подарила невесте свои весны и обнаружила их на витрине.

Я ещё не знала, как вернуть одежду. Но теперь хотя бы знала, кого искать дальше.

Глава четвёртая

Чужая доставка

Утром никто не исчез.

Я установила это прежде, чем посмотрела время. Дженни лежала у стены, обувь стояла у кровати, дверь была закрыта. Моя личная сумка находилась там, куда я её положила. Под кроватью виднелись два новых рюкзака. В передней части автодома не было ни спящего человека, ни аккуратно сложенного чужого одеяла.

Я осторожно села. Из окна было видно сосновый ствол, а ниже — край нашего столика. На нём лежала одна иголка. Всё остальное мы убрали вечером.

Дженни открыла глаза.

— Что?

— Ничего.

Она тоже села, посмотрела на дверь, потом на рюкзаки.

— Всё на месте?

— Всё.

— Тогда ещё пять минут.

Подруга опустилаcь обратно на подушку. Я хотела последовать её примеру, но в санитарном здании за окном кто-то включил воду. Раз уж люди уже занимались полезными делами, можно было проверить прачечную, пока туда не пришли все остальные.

Вчера у меня имелось достаточно новой одежды, чтобы начать день с выбора. Сегодня этот выбор выглядел так: либо синяя футболка, которую я собралась стирать, либо жёлтое платье, купленное отчасти назло происходящему. Я выбрала платье. Завязала внутреннюю тесёмку, затем наружную и проверила перед зеркалом. Большие синие цветы начинались у плеча, спускались к животу и напоминали, что цветочный рисунок на человеке не уменьшает ни человека, ни рисунок.

Я вышла с пакетом для стирки. Дженни подняла голову.

— Ты куда?

— Смотреть, свободна ли машина.

— Я сейчас.

— Не торопись. Сначала посмотрю.

У прачечной пахло влажной тканью. Внутри были две стиральные машины, сушилка, стол и маленький автомат с мощным средством. Одна машина уже работала, вторая стояла

пустая. На столе лежали мужские носки, ровным рядом, так организованно, что мне захотелось спрятать наш пакет.

Я прочла инструкцию. Оплата у конторы, цикл достаточно короткий, средство выдавал автомат. Ничего не требовалось угадывать по рисунку бесконечной спирали.

Пока я стояла, вошла женщина с корзиной. Волосы у неё были собраны карандашом, а на майке располагалась надпись, которую я не успела дочитать.

— Вы пользуетесь этой? — спросила она.

Я посмотрела на пустую машину.

— Да. Сейчас принесу оплату.

— Хорошо. Мне потом. Положить корзину здесь можно?

— Наверное.

Она поставила корзину на стол, не на носки, и вышла. Я испытала благодарность к человеку, который смог решить вопрос очереди одной фразой.

У конторы Феликс сортировал ключи. Я оплатила стирку и сушку, спросила время выезда. Он напомнил, что до двенадцати. Мы вполне успевали.

Когда вернулась к машине, Дженни уже шла ко мне с оставшимися вещами. На ней были новые шорты и светлая футболка. Она посмотрела на платье.

— Хорошо.

— Спасибо. Я вспомнила внутреннюю завязку.

— Это тоже хорошо.

Мы загрузили старую дорожную одежду и то из новых ве-

щей, что можно было стирать вместе. Я проверила этикетки, Дженни отделила светлое от моей синей футболки, которую мы решили пока только прополоскать отдельно. Покупать ещё один комплект для эксперимента с краской никто не собирался.

Я положила пакет с сухими чистыми вещами на свободный край стола. Подруга попросила передать средство. Пока я поворачивалась, узел наружной тесёмки зацепился за ручку корзины женщины, стоявшей в очереди.

Корзина двинулась за мной.

Я остановилась. Узел держался значительно лучше моих привычных решений. Дженни посмотрела сначала на него, потом на корзину.

— Подожди.

— Я уже.

Она сняла ручку с петли. Я прижала платье к боку, будто оно только что попыталось заняться отдельной карьерой.

— Оно собирает багаж, — заметила подруга.

— Просто я раньше делала это сама.

Мы запустили машину и вернулись завтракать.

На столе в автодоме были хлеб, сыр и два йогурта. Я приготовила яйца. Одно разбила удачно, второе слишком уверенно, и маленький кусочек скорлупы пришлось ловить ложкой. Дженни не комментировала. Она нарезала помидоры, поставила воду, открыла окно.

Утро пахло соснами и горячим хлебом. Я съела свою пор-

цию, пока она не остыла, и только потом достала телефон.

Коул не писала ничего срочного. От Вивьен — по-прежнему ни слова. Селия после вчерашних просьб тоже молчала. Мара прислала Дженни вопрос о поставке, который не требовал немедленного ответа; магазин ещё не открылся.

Я написала сержанту, что утром передадим конверт Норе, сообщим, когда подъедем. Подруга сверила дорогу. До гостиницы надо было немного вернуться, затем снова двигаться на север. Не огромный крюк, но всё-таки крюк.

— Если сразу в Марин-Кросс, быстрее, — сказала она. — Но письмо у нас.

— Передадим. Я не хочу возить его все двенадцать дней.

Я посмотрела на личную сумку. За одну ночь маленький конверт не стал легче. Он всё ещё содержал шесть предложений, из-за которых взрослые люди могли захотеть спорить о чужом согласии.

После завтрака мы сходили к прачечной. Машина уже закончила. Женщина с карандашом в волосах ждала у стола, читая книгу. Дженни переложила одежду в сушилку, я аккуратно собрала наши мелкие вещи, следя, чтобы ничего не осталось у резинки барабана.

— Это ваше? — спросила женщина, подняв полосатый носок.

Я посмотрела.

— Нет.

— И не моё.

Она положила его отдельно. Мы втроём посмотрели на носок, который умудрился остаться без владельца в помещении с платной стиркой.

Я не предложила искать его по маршруту медового месяца. Просто вернулась к своему пакету.

Пока сушилка работала, мы убрали постель, вымыли посуду, сложили столик. Электрический кабель отключили последним, когда уже больше ничего не требовалось включать. Складной стул Дженни пытался защемить ей палец, но она заметила вовремя. Я придержала ткань, и он сложился без жертвы.

Потом пришлось ждать ещё несколько минут. Я села у открытой двери автодома и посмотрела на пустой участок рядом. За это время на него въехала маленькая машина с палаткой на багажнике. Люди вышли, обнялись, принялись доставать вещи. Я не стала оценивать, насколько правильно у них распределён багаж. Мне хватало своих рюкзаков.

Дженни принесла тёплую одежду из сушилки. Мы сложили её внутри, распределили отдельно. Синяя футболка сохла на короткой верёвке у окна, и пришлось некоторое время держать её так, чтобы не капало на сиденье. В итоге подруга предложила завернуть в полотенце, промокнуть и досушить вечером. Я согласилась. Длительное наблюдение за собственной футболкой не входило в мои планы даже после её возвращения из магазина.

В конторе Феликс сверил оплату и пожелал хорошей до-

роги. Я посмотрела на время: до выезда оставалось ещё достаточно, мы справились без беготни.

Сегодня за руль села Дженни. Я занялась навигацией и конвертом, которому нашла дополнительный чистый пакет. Ничего не писала на листе, только на внешней бумажной обложке указала, кому передать. Это заняло меньше времени, чем выбор платья, а выглядело значительно серьёзнее.

Когда автодом выехал между соснами, я поймала себя на том, что смотрю вперёд, а не на оставленный участок. Вторую ночь мы провели без чужого человека. Ещё десять — и можно будет утверждать, что мы умеем путешествовать сами.

Порт-Белл утром оказался тише. Магазины только открывались, у фонтана никого не было. Мы снова поставили машину на большой парковке у набережной и пошли к гостинице.

Дженни оглянулась на меня.

— Ты не хочешь переодеться?

Я посмотрела на платье.

— Во что? У нас всё тёплое из сушилки и одна мокрая футболка.

— Я не про это. Просто вчера здесь были цветы.

— Сегодня цветы на мне. Ничего им не должна.

Она улыбнулась.

Нора стояла за стойкой. Увидев нас, кивнула, закончила разговор с гостем и вышла из-за стола.

— Доброе утро. Я предупредила сотрудника, что вы будете. Он как раз здесь, спрашивает про отправление. Если не против, лучше передать ему лично.

Я посмотрела на закрытую дверь возле конторы.

— Конечно.

Неожиданно всё стало проще, чем предполагали вчера. Никаких дополнительных конвертов у стойки, никакого обещания «заберут позже».

Нора проводила нас к небольшому столику сбоку от холла. Там сидел мужчина в светлой рубашке, перед ним лежали записная книжка и папка. Он встал, представился Дэниелом Ридом и показал удостоверение. Я сверила имя, а затем посмотрела на Дженни. Она тоже успела прочесть.

Рид не был ни пугающе строгим, ни особенно дружелюбным. Он выглядел человеком, который утром приехал работать и не намеревался улучшать нам отпуск личным обаянием.

— Вы Памела Честерфилд и Дженни Стоун?

Мы подтвердили.

— Айрис сообщила, что письмо сохранили. Передадите сейчас?

Я достала пакет. Отдала конверт, объяснила, что фотографии уже отправили, лист не подписывали и не поправляли. Рид осмотрел снаружи, спросил, когда получили, кто передал. Нора ответила сама, не заставляя нас пересказывать её участие.

Он записал, что получил оригинал и конверт с именами. Дал нам подтверждение, попросил проверить данные. Я проверила. В своей фамилии не нашла сюрприза. Дженни посмотрела время передачи и тоже кивнула.

Рид спросил, отвечала ли Вивьен на сообщения. Нет. Про вчерашнюю переписку Селии он уже знал от Коул. Уточнил, говорили ли мы агентству про письмо. Нет.

Я почувствовала, что наши ответы в последнее время удивительно короткие. Это было полезно, но начинало напоминать плохой разговор у стоматолога.

— Насчёт набора, — сказал Рид. — Вы видели его в магазине и снимали с разрешения владельца?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.